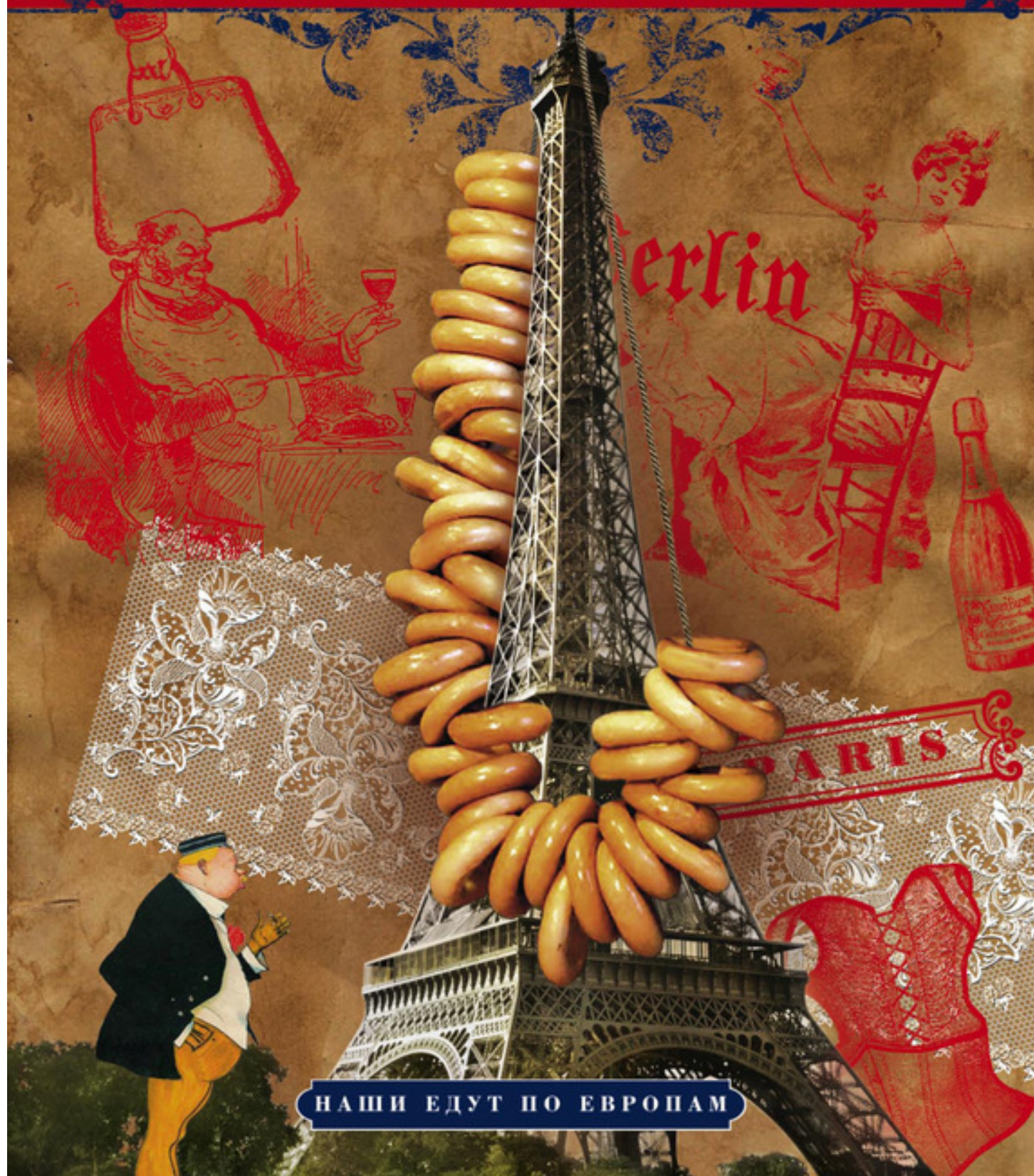

Николай Деркин

наши за границей

НАШИ ЕДУТ ПО ЕВРОПАМ

Наши едут по Европам

Николай Лейкин

Наши за границей.

**Юмористическое описание
поездки супругов Николая
Ивановича и Глафиры Семеновны
Ивановых в Париж и обратно**

«Центрполиграф»

1897

УДК 882
ББК 84(2)

Лейкин Н. А.

Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно / Н. А. Лейкин — «Центрполиграф», 1897 — (Наши едут по Европам)

ISBN 978-5-227-07652-6

Н.А. Лейкин – русский писатель, издатель петербургского юмористического еженедельника «Осколки», в котором под псевдонимом А.Чехонте печатался А.П. Чехов. Его книга «Наши за границей» – юмористическое описание поездки купеческой четы Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно – выдержала до революции 27 изданий и была в свое время очень любима читателями. С течением времени эта история, полная забавных приключений и веселых недоразумений, стала еще смешнее и актуальнее.

УДК 882
ББК 84(2)

ISBN 978-5-227-07652-6

© Лейкин Н. А., 1897
© Центрполиграф, 1897

Содержание

Неметчина	5
Таможня	8
На Берлин	10
Кенигсберг	13
Где наши подушки?	16
Комнатные слова	19
Обед по телеграмме	22
Вторая попытка	25
Странный Берлин	27
Где же мы?	30
Третья попытка	33
Наконец Берлин. Настоящий	36
Анафемская клетка	38
Люди без понятия	41
Аквариум	43
Уже надоело!	46
7:53 на Кельн	49
Заграничная собачья жизнь	52
Русские люди	55
Уныние и страх	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Александрович Лейкин

Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно

Неметчина

Переехали русскую границу. Показался прусский орел, изображенный на щите, прибитом к столбу. Поезд подъехал к станционному зданию. Русские кондуктора в последний раз отворили двери вагонов. Послышалась немецкая речь. Стояли два откормленных немца в черных военных плащах с множеством пуговиц по правую и по левую стороны груди и в касках со штыками. «Ейдкунен!» – возгласил кто-то, проглатывая слова. Виднелись вывески со стрелами и с надписями: «Herren», «Damen».

Пассажиры стали снимать с полок ручной багаж и начали выходить из вагонов. В числе их был и молодой купец с женой, купеческое происхождение которого сказывалось в каждой складке, в каждом движении, хотя он и был одет по последней моде. Прежде всего он ударил себя ладонью по дну шляпы котелком и сказал жене:

– Ну-с, Глафира Семеновна, приехали в заграницу. Теперь следует нам свое образование доказывать. Сажайте иностранные слова! Сажайте без всяких стеснений. Жарьте вовсю.

Молодая супруга, одетая тоже по последней моде, смутилась и покраснела.

– А какая это земля? – спросила она.

– Знамо дело – Неметчина. Немец всегда на границе стоит. Помимо немца ни в какую чужую землю не проедешь. Забирайте свою подушку-то. Мне три не протащить сквозь двери. А насчет саквояжей мы носильщика крикнем. Как носильщик-то на немецкий манер?

– Я, Николай Иванович, не знаю. Нас этим словам в пансионе не обучали. Да и вообще я по-немецки очень плохо... Когда учитель-немец приходил, то у меня всегда зубы болели.

– Как же это так... А говорила, что обучалась.

– Я и обучалась, а только комнатные слова знаю. Вот ежели что в комнате или с кем поздороваться и спросить о погоде...

– Странно, сам же я слышал, как вы стихи читали на иностранном диалекте.

– То по-французски. Вот ежели по-французски придется, то я больше знаю.

– Как тут в немецкой земле по-французски! Здесь за французский язык в участок могут сволоочь. Немец страх как француза не любит. Ему француз – что таракан во щях.

– Эй, носильщик! – кричит купец. – Гутен морген... Как вас?.. Коммензи... Наши чемоданы. Брингензи... Саквояжи...

– Вот видишь, ты и сам немецкие слова знаешь.

– Десять-то слов! На этом много не уедешь. Хмельного я сам попрошу по-немецки, потому хмельные слова я знаю, а остальные ни в зуб. Эй, хер носильщик! Хер – это по-ихнему господин. Поучтивее так, может, лучше... Хер носильщик! Нейдет подлец! В другой вагон попер. Неужто самому придется тащить?.. Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи! Чего встала?

– Да видишь, главная подушка не пролезает. Надо по одной штуке...

– И к чему только ты три подушки с собой забрала?

– Да я не могу на одной спать. Голова затекает. И наконец, ведь не знаешь, куда едешь. Может быть, там и вовсе без подушек...

– Брось подушки. Давай я их вытащу... Ну, пропихивай сзади, пропихивай... Вот так... Ведь таможня здесь. Не стали бы немцы подушки распарывать и искать в них? А то целые перины мы притащили. Не сочли бы за мешки с товаром. Хоть сказать им, что это подушки. Как подушки-то по-немецки?

– Не знаю.

– Здравствуйте! А сейчас хвасталась, что все комнатные слова знаешь. Ведь подушка – комнатное слово.

– Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь? Ведь вы и сами не знаете!

– Я другое дело. Я специалист по хмельным словам. Вот в буфете я в лучшем виде... «Бир – тринкен... Шнапс – тринкен... Зейдель... фляше... бутерброд»... и, наконец, я в пансионе не обучался. Немецким словам я выучился у немцев колонистов, которые приезжают к нам в лавку веревки, парусину и гвозди покупать. «Айн, цвай, драй, фир, фир рубль, цванциг копекен». Считать по-немецки тебе что угодно высчитаю, а других я слов не знаю. Ну, постой тут около подушек, а я саквояжи вытащу. Эй, хер носильщик! Нумер айн унд цванциг! Коммензи! – снова начал кричать купец и манить носильщика.

Носильщик наконец подошел, взял вещи и понес их. Купец и его супруга тащили сзади подушки, зонтики, плед и ватное стеганое одеяло.

– Zollamt... jetzt ist Zollamt... Koffer haben Sie, mein Herr? – спрашивал носильщик купца.

– Черт его знает, что он бормочет! – воскликнул купец. – Глафира Семеновна, понимаешь? – обратился он к жене.

– Да, должно быть, на чай просит. Дай ему, – отвечала та.

– Ну, народ! Даже двугривенного не хотят поверить и вперед деньги требуют. Бери, бери... Вот три гривенника. Не надувать сюда приехали. Мы в Петербурге в полном доверии. У меня по банкам на полтора ста тысяч векселей гуляет...

Носильщик денег не брал и говорил:

– Nachher, nachher werden Sie zahlen...

– Глаша! Не берет. Неужто двух пятиалтынных мало? – недоумевал купец. – Иль, может быть, ему немецкие деньги надо?

– Да, конечно же он немецкие деньги требует.

– Дейч гольд хочешь? Дейч надо разменять. Где тут меняльная лавка? Надо разменять. Понимаешь? Ничего не понимает. Глаша! Да скажи ему по-немецки, как вас учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, как по-немецки меняльная лавка? Сади!

– Ах, боже мой! Ну что ты ко мне пристаешь-то!

– Ничего не знает! А еще у мадамы училась.

– Меняльную лавку вы найдете в вокзале. Там еврей вам и разменяет, – слышалось сзади по-русски.

Говорил какой-то господин в войлочной дорожной шапочке. Купец обернулся и сказал:

– Мерси вас... Удивительно, как трудно без немецкого языка... Ничего не понимают. Будьте добры сказать этой колбасе, что он на чай в лучшем виде получит, как только я разменяю русские деньги. Ну вот... Еще мерси вас... Извините... А как по-немецки меняльная лавка, чтобы я мог спросить?

– Вексельбуде... Но еврей, который будет менять вам деньги, говорит по-русски.

– Анкор мерси вас... Вексельбуде, вексельбуде, – твердил купец. – Запомни, Глаша, как меняльная лавка называется, а то я впопыхах-то могу забыть. Вексельбуде, вексельбуде.

У дверей в вокзале стояли прусские жандармы, и таможенные чиновники отбирали паспорта и пропускали пассажиров по очереди.

– Эх, следовало бы захватить с собой в дорогу Карла Адамыча для немецкого языка, – говорил купец. – Он хоть пропойный человек, а все-таки с языком. Приодеть бы его в мое старое пальтишко, так он и совсем бы за барина сошел. Только ведь дорога да выпивка, а ест он самые пустяки. Положительно следовало бы его взять, и в лучшем бы виде он по-немецки бормотал.

– Так отчего же не взял? – сказала жена.

– А не сама ли ты говорила, что я с ним с круга сбиться могу? Я на твое образование надеялся, думал, что ежели уж у мадамы в пансионе училась и немецкие стихи знаешь, так как же немецких-то слов не знать; а ты даже без того понятия, как подушка по-немецки называется.

– Тебе ведь сказано, что я политичные слова знаю, а подушка разве политичное слово?

– Врешь! Ты даже сейчас хвасталась, что комнатные слова знаешь.

– Фу, как ты мне надоел! Вот возьму да назло тебе и заплачу.

– Да плачь. Черт с тобой!

Жена слезливо заморгала глазами. Купец проталкивал ее вперед.

– Пасс! – возгласил жандарм и загородил ей дорогу.

– Глаша! Что он говорит? Чего ему нужно? – спрашивал у жены купец.

– Отстань. Ничего не знаю.

– Пасс! – повторил жандарм и протянул руку.

– Ну вот, извольте видеть, словно он будто в винт играет: пасс да пасс.

– Отдайте свой паспорт. Он паспорт требует, – сказал кто-то по-русски.

– Паспорт? Ну так так бы и говорил, а то пасс да пасс... Вот паспорт.

Купец отдал паспорт и проскользнул сквозь двери. Жену задержали и тоже требовали паспорт.

– Глаша! Чего же ты?... Иди сюда... Глафира Семеновна! Чего ты встала? – кричал купец.

– Да не пускают. Вон он руки распускает, – отвечала та. – Пустите же меня! – раздраженно рванулась она.

– Пасс! – возвысил голос жандарм.

– Да ведь я отдал ейный паспорт. Жена при муже... Жена в моем паспорте... Паспорт у нас общий... Это жена моя... Послушайте, хер... Так не делается... Это безобразие... Ейн паспорт. Ейн паспорт на цвай, – возмущался купец.

– Я жена его... Я фрау, фрау... А он муж... Это мой мари... мон мари... – бормотала жена. Наконец ее пропустили.

– Ну, народ! – восклицал купец. – Ни одного слова по-русски... А еще, говорят, образованные немцы! Говорят, куда ни плюнь, везде университет или академия наук. Где же тут образование, спрашивается?! Тьфу, чтобы вам сдохнуть!

Купец плюнул.

Таможня

Николай Иванович и Глафира Семеновна, запыхавшиеся и раскрасневшиеся, сидели уже в прусском вагоне. Перед ними стоял немец носильщик и ждал подачки за принесенные в вагон мешки и подушки. Николай Иванович держал на ладони горсть прусских серебряных монет, перебирал их другой рукой и решительно недоумевал, какую монету дать носильщику за услугу.

– Разбери, что это за деньги! – бормотал он. – Одни будто бы полтинники, а другие, которые побольше, так тоже до нашего рубля не хватают! Потом мелочь!.. На одних монетах помечено, что десять, на других стоит цифирь пятьдесят, а обе монетки одной величины.

– Да дай ему вот вроде полтины-то! – сказала Глафира Семеновна.

– Сшутила! Давать по полтине, так тоже раздаешься. Эдак и требухи не хватит.

– Ну дай маленьких монет штучки три.

– В том-то и дело, что они разные. Одни в десять, другие в пятьдесят, а величина одна. Да и чего тут десять, чего пятьдесят? Беда с чужими деньгами!

Он взял три монетки по десяти пфеннигов и подал носильщику. Тот скривил лицо и подобрал монетки на ладони.

– Неужто мало? Ведь я три гривенника даю! – воскликнул Николай Иванович и дал еще десять пфеннигов.

Носильщик плюнул, отвернулся и, не приподняв шапки, отошел от вагона.

– Вот так немецкая морда! Сорок ихних копеек даю, а он и этим недоволен. Да у нас-то за сорок копеек носильщики в пояс кланяются! – продолжал Николай Иванович, обращаясь к жене.

– А почему ты знаешь, может быть, ихние копейки-то меньше? – сказала та и прибавила: – Ну, да что об этом толковать! Хорошо, что уж в вагоны-то уселись. Только в те ли мы вагоны сели? Не уехать бы куда в другое место вместо Берлина-то?

– Пес их знает! Каждому встречному и поперечному только и твердил, что Берлин, Берлин и Берлин. Все тыкали перстами в этот вагон.

Николай Иванович высунулся из окна вагона и крикнул:

– Эй! Хер кондуктор! Берлин здесь?

– О, ja, mein Herr, Berlin.

– Слышишь? Около русской границы и то по-немецки. Хоть бы одна каналья сказала какое-нибудь слово по-русски, кроме еврея менялы.

– Ну вот с евреями и будем разговаривать. Ведь уж евреи-то, наверное, везде есть.

– Да неужто ты, Глашенька, окромя комнатных слов, никакого разговора не знаешь?

– Про еду знаю.

– Ну, слава богу, хоть про еду-то. По крайней мере, с голоду не помрем. Ты про еду, я про хмельное и всякое питейное. Ты, по крайней мере, поняла ли, что немец в таможне при допросе-то спрашивал?

– Да он только про чай да про табак с папиросами и спрашивал. Тээ, табак, папирос...

– Ну, это-то и я понял. А он еще что-то спрашивал?

– Ничего не спрашивал. Спрашивал про чай и про папиросы, а я молчу и вся дрожу, – продолжала жена. – Думала, ну как полезет в платье щупать.

– А где у тебя чай с папиросами?

– В турнюре. Два фунта чаю и пятьсот штук папирос для тебя.

– Вот за это спасибо. Теперь, по крайности, мы и с чаем и с папиросами. А то Федор Кириллыч вернулся из-за границы, так сказывал, что папиросы ихние на манер как бы из капустного листа, а чай так брандахлыст какой-то. Вот пиво здесь – уму помраченье. Я сейчас

пару кружеч опрокинул – прелесть. Бутерброды с колбасой тоже должны быть хороши. Страна колбасная.

– Колбасная-то колбасная, да кто их знает, из чего они свои колбасы делают. Может быть, из кошек да из собак. Нет, я их бутербродов есть не стану. Я своих булок захватила, и у меня сыр есть, икра.

– Нельзя же, душечка, совсем не есть.

– Колбасу? Ни за что на свете! Да и вообще не стану есть ничего, кроме бифштекса. У них, говорят, суп из рыбьей чешуи, из яичной скорлупы и из сельдяных голов варится.

– Ну?!

– Я от многих слышала. Даже в газетах читала. А наш жилец – немец настройщик, что в папенькином доме живет... Образованный немец, а что он ест вместо супа? Разболтает в пиве корки черного хлеба, положит туда яйцо, сварит, вот и суп. Нам ихняя кухарка рассказывала, они, говорит, за обе щеки едят, а мне в глотку не идет. Я, говорит, кофейными переварками с ситным в те дни питаюсь. Я и рыбу у них в Неметчине есть не буду.

– Рыбу-то отчего? Ведь уж рыба все рыба.

– Боюсь, как бы вместо рыбы змеи не подали. Они и змей едят, и лягушек.

– Это французы.

– И французы, и немцы. Немцы еще хуже. Я сама видела, как настройщицкая немка в корзинке угря на обед с рынка тащила.

– Так угря же, а не змею.

– Та же змея, только водяная. Нет, я у них ни рыбы, ни колбасы, ни супу – ни за что на свете... Бифштекс да булки. Пироги буду есть, и то только с капустой. Яйца буду есть. Тут уж, по крайней мере, видишь, что ешь настоящее.

– У них и яйца поддельные есть.

– Да что ты! Как же это так яйца подделать?

– В искусственной алебастровой скорлупе, а внутри всякая химическая дрянь. Я недавно еще читал, что подделывают.

– Тьфу, тьфу! Кофей буду пить с булками.

– И кофей поддельный. Тут и жареный горох, и рожь, и цикорий.

– Ну, это все-таки не поганое.

– А масла у них настоящего и нет. Все маргарин. Ведь мы с них пример-то взяли. Да еще из чего маргарин-то...

– Не рассказывай, не рассказывай!.. – замахала руками жена. – А то я ничего жареного есть не стану.

Поезд тихо тронулся.

– По немецкой земле едем. В царство пива и колбасы нас везут, – сказал Николай Иванович.

На Берлин

Поезд стрелой мчался от Эйткунена по направлению к Берлину, минуя не только полустанки, но даже и незначительные станции, останавливаясь только на одну или две минуты перед главными станциями. За окнами вагонов мелькали, как в калейдоскопе, деревеньки с фруктовыми садами около каменных домиков, гладкие, как языком вылизанные, скошенные луга и поля, вычищенные и даже выметенные рощицы с посаженными рядами молодыми деревцами, утрамбованные проселочные дорожки, пересекающие под мостами железнодорожное полотно. На одной из таких дорог Николай Иванович и Глафира Семеновна увидели повозку, которую везли две собаки, и даже воскликнули от удивления.

– Смотри-ка, Глаша, на собаках бочку везут. Вот народ-то!

– Вижу, вижу. Бедные псы! Даже языки высунули, до того им тяжело. А мужчина идет сзади, руки в карманы и трубку курит. Стало быть, здесь нет общества скотского покровительства?

– Стало быть, нет, а то бы уж член общества сейчас этой самой трубке награждение по затылку сделал: какое ты имеешь собственное право скота мучить?! Ну, народ! Собаку и вдруг в тележку запрячь! Поди-ка выдумай кто другой, кроме немца! У нас это происшествие только в цирке как фокус показывается, а здесь, извольте видеть, на работе... Правду говорят, что немец хитер, обезьяну выдумал.

– Да, может быть, и это какой-нибудь акробат с учеными собаками по дворам шляющийся.

– Нет. Тогда с какой же стати у него бочка на тележке и корзина с капустой? Просто это от бедности. Лошадь кормить нечем – ну и ухищряются на собаках... Вон и еще на собаках... Солому везут. Как их на котах не угораздит возить!

– погоди. Может быть, и запряженных котов увидим.

И опять чистенькие деревеньки с черепичными крышами на домах, с маленькими огородиками между домов, обнесенными живой изгородью, аккуратно подстриженной, а в этих огородах женщины в соломенных шляпках с лентами, копающиеся в грядках.

– Смотри-ка, смотри-ка: в шляпках и на огородах работают! – удивлялась Глафира Семеновна. – Да неужели это немецкие деревенские бабы?

– Должно быть, что бабы. Карл Адамыч сказывал, что у них деревенские бабы в деревнях даже на фортепианах играют, а по праздникам себе мороженое стряпают, – отвечал Николай Иванович.

– Мороженое? Да что ты! А как же у нас рассказывают, что немцы и немки с голоду к нам в Россию едут? Ведь уж ежели мороженое...

– Положим, что от мороженого в брюхе еще больше заурчит, ежели его одного нажраться. Да нет, не может быть, чтобы с голоду... Какой тут голод, ежели в деревнях – вот уже сколько времени едем – ни одной развалившейся избы не видать. Даже соломенных крыш не видать. Просто-напросто немец к нам едет на легкую работу. Здесь он гряды копает, а у нас приедет – сейчас ему место управляющего в имении... Здесь бандурист какой-нибудь по трактирам за пятаки да за гривенники играет, а к нам приедет – настройщик; и сейчас ему по полтора рубля за настройку фортепиан платят.

И опять немки в шляпках и с граблями. На этот раз они стояли около пожелтевшего дуба. Одна немка сбивала граблями с ветвей дуба желтый лист, а другая сгребала этот лист в кучки.

– И на что им этот желтый лист понадобился? Вишь, как стараются! – удивлялась Глафира Семеновна.

– Немец хитер... Почем ты знаешь: может быть, этот лист в какую-нибудь еду идет, – отвечал Николай Иванович. – Может быть, для собак-то вот этих, что телеги возят, еду из листа и готовят.

– Станет тебе собака дубовый лист есть!

– С голодухи станет, особенно ежели с овсяной крупой перемешать да сварить.

– Нет, должно быть, это просто для соления огурцов. В соленые огурцы и черносмородиновый, и дубовый лист идет.

– Так ведь не желтый же!

– А у них, может быть, желтый полагается.

– Да чем догадываться-то, понатужься да спроси как-нибудь по-немецки вон у этой дамы, что против тебя сидит и чулок вяжет, – кивнул Николай Иванович на пассажирку, прилежно перебиравшую спицы с серой шерстью. – Неужто ты не знаешь, как и желтый лист по-немецки называется?

– Я же ведь сказала тебе, что нас только комнатным словам учили.

– Ну, пансион! А ведь, поди, за науку по пяти рублей в месяц драли!

– Даже по десяти.

Немало удивлялись они и немке пассажирке, вязавшей чулок, которая, как вошла в вагон, вынула начатый чулок, да так и не переставала его вязать в течение двух часов.

– Неужто дома-то у ней не хватает времени, чтобы связать чулки? – спросила жена.

– И хватает, может статься, да уж такая повадка, – отвечал муж. – Немки уж такой народ... Немка не только что в вагон, а и в гроб ляжет, так и то чулок вязать будет.

А поезд так и мчался. Супруги наелись булок с сыром и икрой. Жажда так и томила их после соленого, а напиться было нечего. Во время минутных остановок на станциях они не выходили из вагонов, чтобы сбегать в буфет, опасаясь, что поезд уйдет без них.

– Черт бы побрал эту немецкую езду с минутными остановками! Помилуйте, даже в буфет сбегать нельзя! – горячился Николай Иванович. – Поезд останавливается, пятьдесят человек выпускают, пятьдесят пассажиров принимают – и опять пошел. Ни предупредительных звонков – ничего. Один звонок – и катать-валяй. Говорят, это для цивилизации... Какая тут к черту цивилизация, ежели человеку во время остановки поезда даже кружки пива выпить нельзя?

– Да, должно быть, здесь такие порядки, что немцы с собой берут питье, – говорила Глафира Семеновна. – Они народ экономный.

– Да ведь не видать, чтобы пили в вагонах-то. Только сигарки курят да газеты читают. Вот уж сколько проехали, а хоть бы где-нибудь показалась бутылка. Бутерброды ели, а чтобы пить – никто не пил. Нет, у нас на этот счет куда лучше. У нас приедешь на станцию-то, так стоишь, стоишь, и конца остановки нет. Тут ты и попить, и поесть всласть можешь, даже напиться допьяна можешь. Первый звонок – ты и не торопишься, а идешь либо пряники вяземские себе покупать, а то так к торжковским туфлям приторговываешься; потом второй звонок, третий, а поезд все стоит. Когда-то еще кондуктор вздумает свистнуть в свистульку машинисту, чтобы тот давал передний ход. Нет, у нас куда лучше.

Новая остановка. Станция такая-то – кричит кондуктор и прибавляет: «Zwei minuten».

– Опять цвай минутен, черт их возьми! Когда же душу-то отпустят на покаяние и дадут такую остановку, чтобы попить можно! – восклицал Николай Иванович.

– Да дай кондуктору денег и попроси, чтобы он нам в вагон пива принес, – посоветовала ему жена. – За тару-то заплатим.

– Попроси... Легко сказать – попроси... А как тут попросишь, коли без языка? На тебя понадеялся, как на ученую, а ты ни в зуб толкнуть по-немецки...

– Комнатные слова я знаю, а тут хмельные слова. Это по твоей части. Сам же ты хвастался, что хмельные слова выучил, – ну вот и попроси у кондуктора, чтоб принес пива.

– А и то попросить.

Николай Иванович вынул из кармана серебряную монету и, показывая ее пробежавшему кондуктору, крикнул:

– Эй, хер!.. Хер кондуктор! Коммензи... Вот вам немецкая полтина... Дейч полтина... Бир тринкен можно?

Брингензи бир... Боюсь выйти из вагона, чтобы он не уехал... Два бир... Цвай бир... Для меня и для мадам... Цвай бир, а остальное – немензи на чай...

Все это сопровождалось жестами. Кондуктор понял – и явилось пиво – кельнер принес его из буфета. Муж и жена жадно выпили по кружке.

Поезд опять помчался.

Кенигсберг

Выпитая кружка пива раздражила еще больше жажду Николая Ивановича и Глафиры Семеновны.

– Господи! Хоть бы чайку где-нибудь напиться в охотку, – говорила Глафира Семеновна мужу. – Неужто поезд так все и будет мчаться до Берлина без остановки? Где же мы пообедаем? Где же мы поужинаем? Хоть бифштекс какой-нибудь съесть и супцу похлебать. Ведь нельзя же всю дорогу сыром и икрой питаться. Да и хлеба у меня мало. Всего только три маленькие булочки остались. Что это за житье, не пивши, не евши, помилуйте!

– Ага! Жалешься! – поддразнил ее муж. – А зачем просилась за границу? Сидела бы у себя дома на Лиговке.

– Я просилась на Эйфелеву башню, я просилась к французам на выставку.

– Да ведь и там не слаще. Погоди, на Эйфелевой-то башне, может быть, взвоешь.

– Николай Иванович, да попроси же ты у кондуктора еще пива.

– Погоди, дай до станции-то доехать.

Но на станциях, как на грех, останавливались на одну минуту.

– Бир... Бир... Цвай бир! Кондуктор... Хер кондуктор!.. Вот дейч полтина. Валяй на всю... Можете и сами тринкен... Тринкензи!.. – кричал Николай Иванович, протягивая кондуктору марку, но кондуктор пожимал плечами, разводил руками и говорил:

– Nur eine Minute, mein Herr...

Обер-кондуктор свистел, локомотив отвечал на свисток и мчался.

– Помчалась цивилизация! – воскликнул Николай Иванович. – Ах, чтоб вам пусто было! Нет, наши порядки куда лучше.

– Нельзя? – спрашивала жена.

– Видишь, нельзя. Сую кондуктору полтину на чай – даже денег не берет.

Поезд мчался с невероятной быстротой. Мимо окон вагонов беспрерывно мелькали домики, поля, засеянные озимью, выровненные, скошенные луга, фабричные трубы или сады и огороды. Везде возделанная земля и строения.

– Да где же у них пустырь-то? Где же болота? – дивился Николай Иванович.

Поезд сгонял стаи птиц с полей. Птицы взвивались и летели... хвостами назад. Глафира Семеновна первая это заметила и указала мужу:

– И птицы-то здесь какие-то особенные. Смотри-ка, задом летят. Не вперед летят, а назад.

Николай Иванович взглянул и сам удивился, но тотчас же сообразил:

– Да нет же, нет. Это их поезд обгоняет, оттого так и кажется.

– Полно тебе морочить-то меня. Будто я не понимаю. Ну смотри, видишь, хвостами назад... Задом летят, задом... Это уж такие немецкие птицы. Я помню, что нас в пансионе про таких птиц даже учили, – стояла на своем жена.

В вагон пришел кондуктор ревизовать билеты.

– Бир тринкен... Где можно бир тринкен и поесть что-нибудь? – приставал к нему Николай Иванович.

– Эссен, эссен... – пояснила Глафира Семеновна и покраснела, что заговорила по-немецки. – Бир тринкен, тэ тринкен, кафе тринкен и эссен? – продолжала она.

Кондуктор понял, что у него спрашивают, и отвечал:

– Königsberg... Königsberg werden Sie zwölf Minuten stehen...

– Поняли, поняли. Зер гут. В Кенигсберге двенадцать минут. Ну вот это я понимаю! Это как следует. Это по-человечески! – обрадовался Николай Иванович.

– А когда? В котором часу? Ви филь ур? – спросила Глафира Семеновна и еще больше покраснела.

– Um sieben, – дал ответ кондуктор.

– Мерси... Данке... Ну, славу богу... В семь часов. Это, стало быть, через два часа. Два часа как-нибудь промаемся.

Муж взглянул на жену и одобрительно сказал:

– Ну, вот видишь... Говоришь же по-немецки, умеешь, а разговаривать не хочешь.

– Да комнатные и обыкновенные слова я очень чудесно умею, только мне стыдно.

– Стыд не дым, глаза не ест. Сади, да и делу конец.

Смеркалось. Супруги с нетерпением ждали Кенигсберга. При каждой остановке они высовывались из окна и кричали кондуктору:

– Кенигсберг? Кенигсберг!

– Nein, nein, Königsberg wird noch weiter.

– Фу-ты, пропасть! Все еще не Кенигсберг. А пить и есть хочу, как собака! – злился Николай Иванович.

Но вот поезд стал останавливаться. Показался большой вокзал, ярко освещенный.

– Königsberg! – возгласил кондуктор.

– Слава тебе господи! Наконец-то!

Пассажиры высыпали из вагонов. Выскочили и Николай Иванович с Глафирой Семеновной. У станции стояли сразу три поезда. Толпился народ. Одни входили в вагоны, другие выходили. Носильщики несли и везли сундуки и саквояжи. Шум, говор, свистки, звонки, постукивание молотков о колеса.

– Вот ад-то! – невольно вырвалось у Николая Ивановича. – Да тут живым манером растеряешься. Постой, Глаша, надо заметить, из которого поезда мы вышли, а то потом как бы не попасть в чужой поезд. Видишь, наш поезд посередине стоит, а на боковых рельсах – это чужие поезда. Ну, пойдем скорей в буфет.

– Нет, голубчик, я прежде в уборную... Мне поправиться надо. Ведь сколько времени мы, не выходя из вагона, сидели, а в здешних вагонах, ты сам знаешь, уборных нет, – отвечала жена. – Без уборной мне и еда не в еду.

– Какая тут поправка, коли надо торопиться пить и есть скорей. Ведь только двенадцать минут поезд стоит. Да и черт их знает, какие такие у них немецкие минуты! Может быть, ихние минуты наполовину меньше наших. Идем скорее.

– Нет, не могу, не могу. Уверю тебя, что не могу... Да и тебя попрошу проводить меня до уборной и подождать у дверей, а то мы растеряться можем.

– Эх, бабье племя! – крикнул Николай Иванович и отправился вместе с женой отыскивать женскую уборную.

Уборная была найдена. Жена быстро скрылась в ней. Муж остался дожидаться у дверей. Прошло минут пять. Жена показывается в дверях. Ее держит за пальто какая-то женщина в белом чепце и что-то бормочет по-немецки.

– Николай Иваныч, дай, бога ради, сколько-нибудь немецких денег или рассчитайся за меня! – кричит жена. – Здесь, оказывается, даром нельзя... Здесь за деньги. Даю ей русский двугривенный, не берет.

– В уборную на станции да за деньги!.. Ну народ, ну немецкие порядки! – восклицает Николай Иванович, однако сует немке денег и говорит: – Скорей, Глаша, скорей, а то и поесть не успеем.

Они бегут, натываются на носильщиков. Вот и буфет. Расставлены столы. На столах в тарелках суп. «Табльдот по три марки с персоны», – читает Глафира Семеновна немецкую надпись над столом.

– Полный обед есть здесь за три марки. Занимай скорей места, – говорит она мужу.

Тот быстро отодвигает стулья от стола и хочет сесть, но лакей отстраняет его от стола и что-то бормочет по-немецки. Николай Иванович выпучивает на него глаза.

– Ви? Вас? Мы есть хотим... Эссен... митаг эссен, – говорит Глафира Семеновна.

Лакей упоминает слово «телеграмма». Подходят двое мужчин, говорят лакею свою фамилию и занимают места за столом, на которые рассчитывал Николай Иванович.

– Что ж это такое! – негодует Николай Иванович. – Ждали, ждали еды, приехали на станцию – и есть не дают, не позволяют садиться! Одним можно за стол садиться, а другим нельзя! Я такие же деньги за проезд плачу!

Лакей опять возражает ему, упоминая про телеграмму. За столом, наконец, находится какой-то русский. Видя, что двое его соотечественников не могут понять, что от них требуют, он старается разъяснить им.

– Здесь табльдот по заказу... Нужно было обед заранее телеграммой заказать, – говорит он. – Вы изволили прислать сюда телеграмму с дороги?

– Как телеграмму? Обед-то по телеграмме? Ну, порядки! Глаша! Слышишь? – обращается Николай Иванович к жене. – Очень вам благодарен, что объяснили, – говорит он русскому. – Но мы есть и пить хотим. Неужели же здесь без телеграммы ничего ни съесть, ни выпить нельзя?

– Вы по карте можете заказать. По карте что угодно...

– Эй! Прислуживающий! Человек! Эссен! Что-нибудь эссен скорей и бир тринкен! – вопит Николай Иванович. – Цвай порции.

Появляется лакей, ведет его и супругу к другому столу, отодвигает для них стулья и подает карту.

– Где тут карту рассматривать, братец ты мой! Давай две котлеты или два бифштекса.

– Zwei Koteletten? О, ja... – отвечает лакей и бежит за требуемым, но в это время входит железнодорожный сторож и произносит что-то по-немецки, упоминая Берлин.

Пассажиры вскакивают из-за стола и принимаются рассчитыватьсь.

– Что же это такое? Господи! Неужто же поезд отправляется? Ведь эдак не пивши, не евши уезжать надо. Берлин? – спрашивает он сторожа.

– Берлин, – отвечает тот.

– Глаша! Бежим! А то опоздаем!

Муж и жена вскакивают из-за стола. Появляется лакей с двумя котлетами.

– Некогда, некогда! – кричит ему Николай Иванович. – Давай скорей эти две котлеты. Мы с собою возьмем... Клади в носовой платок... Вот так... Глаша! Тащи со стола хлеба... В вагоне поедим. Человек! Менш! Получай... Вот две полтины... Мало? Вот еще третья. Глаша! Скорей, а то опоздаем. Ну, порядки!..

Муж и жена бегут из буфета.

– Николай Иваныч! Николай Иваныч! У меня юбка сваливается! – говорит на бегу жена.

– Не до юбок тут, матушка. Беги!

Они выбежали из буфета, бросились к поезду и вскочили в вагон.

Где наши подушки?

– Глаша! Где же наши подушки, где же наши саквояжи? – воскликнул Николай Иванович, очутившись вместе с женой в вагоне.

– Боже мой, украли!.. Неужто украли? – всплеснула руками Глафира Семеновна. – Или украли, или мы не в тот вагон сели. Так и есть, не в тот вагон. Тот вагон был с серой, а этот с какой-то рыжей обивкой. Выходи скорей, выскакивай!

Николай Иванович бросился к запертым снаружи дверям купе, быстро отворил окно и закричал:

– Эй, хер, хер... хер кондуктор... Отворите... Мы не в тот вагон попали!

Но поезд уже тронулся и быстро ускорял свой ход. На крик никто не обратил внимания.

– Что же это такое? Как нам быть без подушек и без саквояжей! В саквояже у меня булки, сыр и икра. Ни прилечь, ни поужинать будет нечем. Ведь этих двух котлет, что мы со станции захватили, для нас мало. Да и какие это котлеты!.. Это даже и не котлеты... Они до того малы, что их две на ладонь уложишь, – вопияла Глафира Семеновна.

– Не кричи, не кричи... На следующей станции пересядем в свой вагон, – уговаривал ее Николай Иванович. – Отыщем и пересядем.

– Как тут пересесть! Как тут вагон отыскивать, ежели поезд больше двух минут на станции не стоит! Только выскочишь, а поезд уж и опять в путь... К тому же теперь вечер, а не день. Где тут отыскивать?

Какой-то немец в войлочной шапке, сидевший с ними в купе, видя их беспокойство, спросил их что-то по-немецки, но они не поняли и только вытаращили глаза. Немец повторил вопрос и прибавил слово «Гамбург».

– Постой... Мы даже, кажется, не в тот поезд сели. Немец что-то про Гамбург толкует, – испуганно проговорила Глафира Семеновна, обращаясь к мужу.

– Да что ты... Вот уха-то! Спроси же его, куда мы едем. Ведь можешь же ты хоть про это-то спросить?! Ведь ты все-таки чему же нибудь училась в пансионе.

Испуг придавал Глафире Семеновне энергии. Она подумала, сложила кой-как в уме немецкую фразу и задала вопрос немцу:

– Ин Берлин вир варен? Берлин этот вагон?

– Nein, Madame, wir fahren nach Hamburg.

– Как нах Гамбург? А Берлин?

Немец отрицательно покачал головой и опять что-то пробормотал по-немецки.

– Да, конечно же не в том поезде едем, – чуть не сквозь слезы сказала Глафира Семеновна.

Николай Иванович досадливо почесал затылок.

– Ну, переплет! Беда без языка!.. – вырвалось у него.

– В Гамбург, в Гамбург едем... в Гамбург, – твердила Глафира Семеновна.

– Да спроси ты у немца-то поосновательнее. Может быть, поезд-то гамбургский, а Берлин по дороге будет.

– Как я спрошу, ежели я не умею! Спрашивай сам.

– Чему же ты училась в пансионе?

– А ты чему учился у своих немцев колонистов и чухонцев?

– Я учился в лавке, продавая парусину, железо и веревки. За меня в пансион разным мадамам деньги не платили. Я счет по-немецки знаю, хмельные слова знаю.

– Ты хмельные, а я комнатные. Про поезда нас ничего не учили.

Супруги уже начали ссориться, размахивая руками, но наконец Николай Иванович плюнул, оттолкнул от себя жену, подсел к немцу и показал ему свои проездные билеты. Немец посмотрел их и опять отрицательно покачал головой:

– Nein. Das ist nicht was. Die Fuhrkarten sind nach Berlin, aber wir fahren nach Hamburg.

– Да Берлин-то будет по дороге или нет? Вот что я вас спрашиваю! – раздраженно крикнул Николай Иванович. – Ну, может быть, так, что сначала Берлин, а нахер Гамбург или сначала Гамбург, а нахер Берлин. Них ферштейн?

– О, ja... ich verstehe... Berlin ist dort und Hamburg ist dort. Von Dirschau sind zwei Zweigen. Немец показал жестами в две противоположные стороны.

– Здравствуйте! Даже не в ту сторону и едем-то, – отскочил от немца Николай Иванович, поняв, что по дороге не будет Берлина, и набросился на жену: – А все ты со своей уборной. Все это через тебя мы перепутались... «Мне нужно поправиться! Мне нужно поправиться!» Вот и поправилась. В Гамбург вместо Берлина едем. На кой шут, спрашивается, нам этот Гамбург, ежели мы через Берлин в Париж едем? Немец показывает, что Берлин-то вон там, а нас эво куда относит.

– Не могу же я не сходить в дамскую уборную, ежели я шесть-семь часов, не выходя из вагона, сидела, – оправдывалась жена.

– А не можешь, так не ездь за границу. Немки же могут. Отчего же они могут? Или у них натура другая?

– Конечно же, должно быть, другая. Они к здешним порядкам привычны, а я непривычна.

– И ты за границу выехала, так должна привыкать. А то, извольте видеть, надо в буфет есть идти, а она: «Я в дамскую уборную». Через тебя и еду прозевали. Нешто может быть человек сыт, съевши вот по эдакой котлетке, ежели он с утра не ел! Ведь, может быть, до самого Гамбурга другого куса в горло не попадет, кроме этой котлетины. А где этот самый Гамбург? Черт его знает, где он! Может быть, на краю света.

Глафира Семеновна сидела, держа в руке котлеты, завернутые в носовой платок, и плакала.

– Зачем же нам в Гамбург-то ехать? Мы выйдем вон из вагона на первой же станции, – говорила она.

– А черт их знает, будет ли еще по дороге станция-то, да и выпустят ли нас из этого вагона. Видишь, какие у них везде дурацкие порядки. Может быть, из вагона-то вплоть до Гамбурга и не выпустят. А заплати деньги сполна, да и поезжай.

– Попросимся, чтобы выпустили. Скажем, что по ошибке не в тот поезд попали.

– Попросимся, скажем... А кто будет говорить, ежели по-немецки ты ни аза в глаза, а я еще меньше? Да и кого тут попросить, ежели и кондукторов-то не видать? У нас по железным дорогам кондукторы по вагонам шляют, чуть не через каждые десять минут билеты у тебя смотрят, машинками прорезают, будят тебя, ежели ты спишь, чуть не за ноги тебя со скамейки стаскивают то за тем, то за другим, а здесь более получаса в какой-то Гамбург едем, и ни одна кондукторская бестия не показывается! В Гамбург! На какой пес, спрашивается, нам этот Гамбург, – горячился Николай Иванович, но, увидав уже рыдающую жену, понизил голос и прибавил: – Не реви... Утри глаза платком и сиди без слез.

– Как же я могу утереться платком, ежели у меня в носовом платке котлеты! Ведь весь платок у меня в подливке. Сам же ты в Кенигсберге на станции в мой носовой платок котлеты с двух тарелок вывалил, – отвечала жена.

– Вынь из саквояжа чистый платок. Нехорошо в слезах. Вон немец смотрит.

– Да ведь саквояжи в том поезде остались.

– Тьфу!.. И то... Совсем спутался. Вот наказание-то! Ну, возьми мой платок и вытрись моим платком.

– Лучше же я кончиком от своего платка... Кончик не замазан.

Глафира Семеновна поднесла платок с котлетами к глазам и кончиком его кое-как вытерла слезы. Николай Иванович увидел котлеты и сказал:

– Давай же съедим по котлетке-то... Есть смерть как хочется...

– Съедем, – прошептала Глафира Семеновна, раскрывая платок. – Вот тут и пюре есть... Только хлеба нет. Хлеба забыла взять.

Супруги принялись есть котлеты. Вошел кондуктор визировать билеты, увидел у супругов не те билеты, заговорил что-то по-немецки и, наконец, возвыся голос, раскричался.

– Weg, weg! Sie müssen bald umsteigen und die Strafe zahlen! – кричал он.

– Про штраф говорит. Штраф возьмут, – пробормотал Николай Иванович жене и, обратясь к кондуктору, спросил: – Да геен-то все-таки можно? Из вагона-то можно геен?.. Выпустят нас на станции?

– Как ман на станции вег геен? – поправила мужа жена.

– О, ja... ja... Bald wird die Station und Sie, müssen dort.

– Что он говорит? – интересовался Николай Иванович.

– Говорит, что сейчас будет станция и нас высадят.

– Ну, слава тебе господи!

Поезд уменьшал ход и, наконец, остановился. Супруги не вышли, а выскочили из вагона, словно из тюрьмы. Кондуктор сдал их начальнику станции, свистнул, вскочил на подножку вагона, и поезд опять помчался.

Комнатные слова

Николай Иванович и Глафира Семеновна стояли перед начальником станции, совали ему свои билеты и ждали над собой суда.

– Вот, хер начальник станции, ехали мы в Берлин, а попали черт знает куда, – говорил Николай Иванович, стараясь быть как можно учтивее, и даже приподнял шляпу.

Начальник станции, длинный и тощий, как хлыст, немец в красной фуражке и с сигарой в зубах, сделал ему в ответ на поклон под козырек и, не выпуская из зубов сигары, глубоко-мысленно стал рассматривать сунутую ему книжку билетов прямого сообщения до Парижа.

– Бите, загензи, вас махен? Вас махен? – спрашивала, в свою очередь, Глафира Семеновна.

– Ага! Заговорила по-немецки! Заставила нужда калачи есть! – воскликнул Николай Иванович, с каким-то злорадством подмигивая жене.

– Заговорила потому, что обыкновенные комнатные слова потребовались. Комнатные слова я отлично знаю.

«Вас махен? Вас махен?» – повторяла она перед начальником станции.

Тот понял вопрос, важно поднял голову и заговорил по-немецки. Говорил он с толком, с расстановкой, наставительно, часто упоминал Кенигсберг, Берлин, Диршау, слово *Schnellzug* и сопровождал все это пояснительными жестами. Глафира Семеновна, морщась от табачного дыма, который он пускал ей прямо в лицо, внимательно слушала, стараясь не проронить ни слова.

– Поняла? – спросил Николай Иванович жену.

– Да, конечно же поняла. Слова самые обыкновенные. Штраф, купить билеты и ехать обратно в этот проклятый Кенигсберг.

– А когда, когда поезд-то в Кенигсберг пойдет? Спроси его по-немецки. Ведь можешь.

– Ви филь ур поезд ин Кенигсберг?

– *Nach zwei Stunden, Madame.*

– Что он говорит?

– Не понимаю. Ви филь ур? Ур, ур? – твердила она и показывала на часы.

– *Um zehn Uhr, nach zwei Stunden.*

Начальник станции вынул свои карманные часы и показал на цифру «десять».

– Через два часа можно ехать? Отлично. Бери, мусью, штраф и отпусти скорей душу на покаяние! – воскликнул радостно Николай Иванович, опустил руку в карман, вытащил оттуда несколько золотых и серебряных монет и протянул их на ладони начальнику станции. – Бери, бери... Отбирай сам, сколько следует, и давай нам билеты до Кенигсберга. Сколько немецких полтин надо – столько и бери.

– Немензи, немензи штраф унд фюр билет, фюр цвай билет, – подтвердила жена. – Вир висен нихт ваш гольд. Немензи...

Начальник станции осклабил свое серьезное лицо в улыбку и, отсчитав себе несколько марок, прибавил:

– *Hier ist Wartezimmer mit Speisesaal, wo Sie können essen und trinken...*

– Тринкен? – еще радостнее воскликнул Николай Иванович и схватил начальника станции под руку. – Мосье! Пойдем вместе тринкен. Бир тринкен, шнапс тринкен. Коммензи тринкен... Бир тринкен... Хоть вы и немец, а все-таки выпьем вместе. С радости выпьем. Давно я тринкен дожидаюсь. Пойдем, пойдем. Нечего упираться-то... Коммензи, – тащил он его в буфет.

Через пять минут начальник станции и супруги сидели за столом в буфете.

– Шнапс! Бир... Живо! – командовал Николай Иванович кельнеру.

– Бифштекс! Котлету! – приказывала Глафира Семеновна. – Тэ... кафе... бутерброды... Да побольше бутербродов. Филь бутербродов...

Стол установился яствами и питьями. Появился кюммель, появилось пиво, появились бутерброды с сыром и ветчиной, кофе со сливками. Начальник станции сидел, как аршин проглотивши, не изменяя серьезного выражения лица, и, выпив кюммеля, потягивал из кружки пиво.

– Водка-то у вас, хер, очень сладкая – кюммель, – говорил Николай Иванович, чокаясь с начальником станции своей кружкой. – Ведь такой водки рюмку выпьешь, да и претить она начнет. Неужто у вас здесь, в Неметчине, нет простой русской водки? Русиш водка? Нейн? Нейн? Русиш водка?

Немец пробормотал что-то по-немецки и опять прихлебнул из кружки.

– Черт его знает, что он такое говорит! Глаша, ты поняла?

– Ни капельки. Это какие-то необыкновенные слова. Таким нас не учили.

– Ну, наплевать! Будем пить и говорить, не понимая друг друга. Все-таки компания, все-таки живой человек, с которым можно чокнуться! Пей, господин немец. Что ты над кружкой-то сидишь! Пей... Тринкензи... Мы еще выпьем. Пей, пей...

Немец залпом dokonчил кружку.

– Анкор! Человек! Анкор... Менш... Еще цвай бир!.. – кричал Николай Иванович.

Появились новые кружки. Николай Иванович выпил залпом.

Немец улыбнулся и выпил тоже залпом.

– Люблю, люблю за это! – воскликнул Николай Иванович и полез обнимать немца. – Еще бир тринкен. Цвай бир тринкен.

Немец не возражал, пожал руку Николая Ивановича и предложил ему сигару из своего портсигара. Николай Иванович взял и сказал, что потом выкурит, а прежде «эссен и тринкен», и действительно напустился на еду. Немец смотрел на него и что-то с важностью говорил, говорил долго.

– Постой, я его спрошу, как нам с нашими подушками и саквояжами быть, что в поезде уехали. Ведь не пропадать же им, – сказала Глафира Семеновна.

– А можешь?

– Да вот попробую. Слова-то тут немудреные.

– Поднатужься, Глаша, поднатужься...

– Загензи бите, во ист наш саквояж и подушки? Мы саквояж и подушки ферлорен. То есть не ферлорен, нихт ферлорен, а наш багаж, наш саквояж в поезде остался... Багаж в цуг остался, – обратилась она к немцу. – Нихт ферштеен?

И дивное дело – немец понял.

– О, ja, ich verstehe, Madam. Вы говорите про багаж, который поехал из Кенигсберга в Берлин? Багаж ваш вы получите в Берлине, – заговорил он по-немецки. – Нужно только телеграфировать. Nein, nein, das wird nicht verloren werden.

Поняла немца и Глафира Семеновна, услышав слова *wird nicht verloren werden, telegrafieren*.

– Багаж наш не пропадет, ежели мы будем телеграфировать, – сказала она мужу. – Нам в Берлине его выдадут.

– Так пусть он телеграфирует, а мы с ним за это бутылку мадеры выпьем... Хер... Телеграфирензи... Бите, телеграфирензи. Вот гольд и телеграфирензи, а я скажу «данке», и мы будем тринкен, мадера тринкен.

– О ja, – проговорил немец, взял деньги и, поднявшись с места, пошел на телеграф.

Через пять минут он вернулся и принес квитанцию.

– Hier jetzt seien Sie nicht bange, – сказал он и потрепал Николая Ивановича по плечу.

– Вот за это данке так данке! Человек! Менш! Эйне фляше мадера! – крикнул тот и, обратясь к немцу, спросил: – Тринкен мадера?

– O ja, Kellner, bringen Sie...

– Кельнер! Кельнер! А я и забыл, как по-немецки при служаивающий-то называется. Кельнер! Мадера!

Появилась мадера и была выпита. Лица у начальника станции и у Николая Ивановича покраснелись. Оба были уже на втором взводе, оба говорили: один – по-немецки, другой – по-русски, и оба не понимали друг друга.

Перед прибытием поезда, отправляющегося в Кенигсберг, они вышли на платформу и дружественно похлопывали друг друга по плечу. Николай Иванович лез обниматься и целоваться, но начальник станции пятился. Когда поезд подъехал к платформе, начальник станции распрощался с Николаем Ивановичем и на этот раз поцеловался с ним, посадил его в вагон и крикнул:

– Glückliche Reise!

Поезд помчался.

Обед по телеграмме

Поезд мчался к Кенигсбергу, куда начальник станции неизвестно для чего отправил обратно супругов, так как и на той станции, где они пили с ним пиво и мадеру, можно бы было дожидаться прямого берлинского поезда, который не миновал бы станции. Очевидно, тут было какое-то недоразумение, и начальник станции и супруги не поняли друг друга. Да и на станции-то не следовало им слезать с того поезда, в который они сели по ошибке, а следовало только пересест из гамбургского вагона в берлинский и выйти гораздо дальше на станции у разветвления дороги, но супруги были, выражаясь словами Николая Ивановича, без языка, сами никого не понимали, и их никто не понимал, отчего все это и случилось.

Николай Иванович сидел с женой в купе и твердил:

– Кенигсберг, Кенигсберг... Наделал он нам переполоху! В гроб лягу, а не забуду этого города, чтоб ему ни дна ни покрышки! И наверное, жидовский город.

– Почему ты так думаешь? – спросила жена.

– Да вот, собственно, из-за «берга». Все жида – «берги»: Розенберги, Тугенберги, Ейзенберги, Таненберги. Удивительно, что я прежде про этот заграничный город ничего не слышал. Новый какой, что ли?

– Нет, мы про него в пансионе даже в географии учили.

– Отчего же ты мне про него раньше ничего не сказала? Я бы и остерегся.

– Да что же я тебе скажу?

– А вот то, что в нем обычай, что по телеграфу обед заказывать надо. Наверное, уж про это-то в географии сказано... Иначе на что же тогда география? Ведь географию-то для путешествия учат.

– Ничего в нашей географии ни про обед, ни про телеграммы сказано не было. Я очень чудесно помню.

Николай Иванович скорчил гримасу и проворчал:

– Хорош, значит, пансион был! Из немецкого языка только комнатным словам обучали, а из географии ничего про обеды не учили. Самого-то главного и не учили.

– Да чего ты ворчишь-то! Ведь уж напился и наелся с немцем на станции.

– Конечно же привел Бог пожевать и легкую муху с немцем урезать, но все-таки... А хороший этот начальник станции, Глаша, попался... Ведь вот и немец, а какой хороший человек! Все-таки посидели, поговорили по душе, выпили, – благодушно бормотал Николай Иванович, наконец умолк и начал засыпать. Мадера дала себя знать.

– Коля! Ты не спи! – толкнула его жена. – А то ведь эдак немудрено и проспаться этот проклятый Кенигсберг. Тут как только крикнуть, что Кенигсберг, – сейчас и высказывать из вагона надо, а то живо куда-нибудь дальше провезут.

– Да я не сплю, не сплю. А только разик носом клюнул. Намадерился малость, вот и дремлет.

– Кенигсберг! – крикнул наконец кондуктор, заглянув в купе, и отобрал билеты до Кенигсберга.

Через минуту поезд остановился. Опять освещенный вокзал, опять столовая со снующими от стола к столу кельнерами, разносящими кружки пива.

Первым делом пришлось справляться, когда идет поезд в Берлин. Для верности супруги обращались к каждому железнодорожному сторожу, к каждому кельнеру, показывали свои билеты и спрашивали:

– Берлин? Ви филь ур? Берлин?

Оказалось, что поезд в Берлин пойдет через два часа. Все говорили в один голос. Несловоохотливым или спешащим куда-нибудь Николай Иванович совал в руку по «гривеннику»,

как он выражался, то есть по десяти пфеннигов, – и уста их отверзались. Некоторые, однако, не советовали ехать этим поездом, так как этот поезд идет не прямо в Берлин и придется пересаживаться, и указывали на следующий поезд, который пойдет через пять часов, но супруги, разумеется, ничего этого не поняли.

– Das ist Bummelzug und bis Berlin müssen Sie zwei Mal umsteigen, – твердил Николаю Ивановичу какой-то железнодорожный сторож, получивший на кружку пива. – Bummelzug. Haben Sie verstanden?

– Данке, данке... Цвай ур ждять? Ну, подождем цвай ур. Это наплевать. Тем временем пивца можно выпить. – И от полноты чувств Николай Иванович потряс сторожа за руку. – Как я, Глаша, по-немецки-то говорить научился! – отнесся он к жене. – Ну, теперь можно и пивка выпить. Надеюсь, что уж хоть пиво-то можно без телеграммы пить. Пиво не еда.

Супруги уселись к столу.

– Кельнер! Цвай бир! – крикнул Николай Иванович. Подали пиво. – Без телеграммы, – крикнул он жене. – Попробовать разве и по бутерброду съесть. Может быть, тоже без телеграммы.

– Да по телеграмме только обеды табльдот, а что по карте, то без телеграммы, – отвечала жена. – Ведь русский-то, прошлый раз сидевший за столом, явственно тебе объяснил.

– Ну?! В таком разе я закажу себе селянку на сковородке. Есть смерть как хочется. Как по-немецки селянка на сковородке?

– Да почему же я-то знаю!

– Постой, я сам спрошу. Кельнер! Хабензи селянка на сковородке! – обратился Николай Иванович к кельнеру.

Тот выпучил на него глаза.

– Селянка, – повторил Николай Иванович. – Сборная селянка... Капуста, ветчина, почки, дичина там всякая. Нихт фершштейн? Ничего не понимает. Глаша! Ну, как отварной поросенок под хреном? Спроси хотя поросенка.

Жена задумалась.

– Неужто и этого не знаешь?

– Постой... Знаю... Свинья – швайн. А вот поросенок-то...

– Ребеночка от швайн хабензи? – спрашивал Николай Иванович кельнера.

– Швайнбратен? О! Я... – отвечал кельнер.

– Да не брата нам надо, а дитю от швайн.

– Дитя по-немецки – кинд, – вмешалась жена. – Постой, я спрошу. Швайнкинд хабензи? – задала она вопрос кельнеру.

– Постой, постой... Только швайнкинд отварной, холодный...

– Кальт, – прибавила жена.

– Да, со сметаной и с хреном. Хабензи?

– Nein, mein Herr, – отвечал кельнер, еле удерживая смех.

– Ну, вот видишь, стало быть, и по карте ничего нельзя потребовать без телеграммы, говорят: «Найн», – подмигнул жене Николай Иванович. – Ну, порядки!

– А как же мы котлеты-то давеча, когда были здесь в первый раз, в платок с тарелки свалили?

– Ну, уж это как-нибудь впопыхах, и кельнер не расчихал, в чем дело, а может быть, думал, что и была от нас телеграмма. Да просто мы тогда нахрапом взяли котлеты. Котлеты взяли, деньги на стол бросили и убежали. А теперь, очевидно, нельзя. Нельзя, кельнер?

– Видишь, говорит, что нельзя.

– Nein, mein Herr.

– А ты дай ему на чай, так, может быть, будет и можно, – советовала жена. – Сунь ему в руку. За двугривенный все сделает.

– А в самом деле – попробовать?! Кельнер, немензи вот на тэ и брингензи швайнкинд. Бери, бери... Чего ты? Никто не увидит. Будто по телеграмме, – совал Николай Иванович кельнеру две десятипфенниговые монеты.

Кельнер не взял.

– Nein, mein Herr. Ich habe schon gesagt, dass wir haben nicht.

– Не берет... Значит, у них строго и нельзя.

– Так спроси хоть бутербродов с сыром. Может быть, бутерброды можно, – сказала жена. – И мне что-то есть хочется.

– А бутерброды можно без телеграммы? – снова обратился Николай Иванович к кельнеру.

– Бутерброд мит кезе и мит флайш, – прибавила жена.

– O, ja, Madame.

– Ну, слава богу! – воскликнул Николай Иванович и принялся есть. – То есть скажи у нас в рынке кому угодно, что есть в Немецтине такой город, где приезжающим на станции обедать и ужинать только по телеграммам дают, решительно никто не поверит, – рассуждал он, разводя от удивления руками.

Вторая попытка

Поезд, которого ожидали Николай Иванович и Глафира Семеновна, чтобы ехать в Берлин, должен был прийти в Кенигсберг в час ночи. Лишь только часовая стрелка на часах в буфете показала половину первого, как уже супруги встрепнулись и стали собираться выходить на платформу.

– Скорей, Глаша, скорей, а то как бы не опоздать. Черт их знает, какие у них тут порядки! Может быть, и раньше поезд придет. А уже на платформе будем стоять, так не опоздаем, – торопил Николай Иванович жену. – Как подойдет поезд, так и вскочим. Ну, живо!

– Пойдем, пойдем, – отвечала жена, выходя из-за стола. – Да, вот еще что: захвати ты с собой несколько бутербродов в запас в вагон, благо их здесь без телеграмм дают, а то, может быть, на других станциях и бутербродов без телеграмм не дадут, так что завтра утром ни позавтракать, ни пообедать будет нечем.

– И то дело, и то дело...

Захвачен был целый пакет бутербродов, и супруги вышли на платформу. На платформе никого еще из публики не было. Бродила железнодорожная прислуга и покуривала сигары и трубки.

– Надо поспрашивать их, а то как бы не ошибиться, – сказала Глафира Семеновна и, обратясь к сторожу, спросила: – Ин Берлин, ви филь ур?

– Noch eine halbe Stunde, – отвечал тот.

– Что он говорит? – задал вопрос Николай Иванович.

– Да бог его знает что... Что-то непонятное.

– Так ты переспроси.

– Ин Берлин? Эйн ур?

– Ja, ja, Madame, um eins...

– В час, верно.

Таким же манером был спрошен второй сторож, третий, четвертый и пятый. Ответы были одинаковые. Каждому сторожу Николай Иванович совал в руку по десятипфенниговой монете, говоря: «Немензи и тринкензи». Сторожа благодарили словом «данке» и удивленно смотрели на щедрых русских.

– Теперь уже верно. Все в один голос говорят, что в час, – проговорил Николай Иванович, тяжело вздохнув.

Ровно в час к платформе подошел поезд и выпустил пассажиров. Супруги ринулись к вагонам и вскочили в первое попавшееся купе. Там уже сидели два немца – один тощий, другой толстый.

– Хер... Бите... – обратился к ним Николай Иванович. – Вас ист дас? Берлин?

– О, ja... Man kann auch nach Berlin fahren, – дал ответ толстяк.

– Берлин? Слава тебе господи!

Заглянул в вагон кондуктор и спросил билеты. Посмотрев на билеты супругов, он сказал:

– In Dirschau müssen Sie umsteigen.

– Глаша! Что он сказал?

– Пес его знает что, – отвечала жена и задала вопрос кондуктору: – Берлин?

– Ja, ja... Aber in Dirschau werden Sie umsteigen, – повторил кондуктор. – Этот поезд от Диршау пойдет на Данциг, а в Диршау вы сядете в другой поезд, который пойдет в Берлин, – прибавил он также по-немецки, но супруги из всего этого поняли только слово «Берлин».

– Не ошиблись: Берлин, – кивнул жене Николай Иванович.

Свисток, отклики на паровозе – и поезд помчался.

– Любопытно бы было знать, в котором часу мы будем завтра в Берлине? – говорила Глафира Семеновна мужу.

– А ты поднатужься, да и спроси вот у этого толстенького немца. У него лицо основательное.

Глафира Семеновна сообразила, беззвучно пошевелила несколько раз губами и спросила:

– Берлин ви филь ур?

– Ganz genau, Madame, kann ich nicht sagen. Am Morgen werden Sie in Berlin sein.

– Что он, Глаша, говорит?

Глафира Семеновна, понявшая только слово «морген» и переведшая его по-русски словом «завтра», отвечала:

– Говорит, что завтра, а про час ничего не сказал. Что завтра-то, так мы и сами знаем.

– Так ты переспроси. Или постой, я переспрошу. Берлин ви филь ур?

Немец развел руками:

– Um wie viel Uhr, das weiss ich nicht, aber ich weiss nur, dass am Morgen früh...

– Тьфу, пропасть! Опять – завтра.

На следующей станции тот же вопрос был предложен кондуктору. Кондуктор отвечал по-немецки:

– Я езжу до Данцига. Это другая ветка. Про Берлин не могу сказать, – и опять прибавил слово «морген», то есть «утром», но супруги опять-таки перевели это слово словом «завтра».

– Снова завтра! А когда завтра: днем, вечером или ночью? Вот народ-то! Кондуктор едет при поезде, а не знает, в котором часу на место приедет. Глаша, спроси ты его, по крайней мере ночью или днем.

– Как я спрошу, ежели я не умею?

– Неужто ты не знаешь, как по-немецки ночь и день? Ведь эти слова комнатные.

– Ночь – нахт, день – таг?

– Так вот и сяди. Или я сам... Кондуктор, Берлин – нахт или таг?

– Am Morgen früh, mein Herr.

– Фу-ты, чтоб тебе провалиться, немецкая анафема! Николай Иванович обозлился и продолжал ругаться.

– Коля! – остановила его жена.

– Что такое, Коля! Дай отругаться-то, дай душу отвести!

И опять помчался поезд, останавливаясь на минуту и на две на станциях. В вагон заглядывали кондукторы, простригали, отрывали клочки и билеты из книжки прямого сообщения и всякий раз предупреждали, что в Диршау придется пересест в другой поезд, твердя: «In Dirschau müssen Sie umsteigen». Супруги затвердили уже слова «Диршау» и «умштайген», но все-таки не могли понять, что они обозначают.

– Черт его знает, что он такое говорит: «Дырша да умштайген!» – разводил всякий раз руками Николай Иванович и с досады плевал.

– Не горячись, не горячись. Ведь уже все в один голос говорят, что едем мы в берлинском вагоне и в Берлин, стало быть, горячиться тут нечего. Пускай их, что хотят говорят. Только бы благополучно доехать, – останавливала его Глафира Семеновна, стараясь успокоить.

Супруг наконец успокоился и начал дремать.

Странный Берлин

Через несколько минут поезд остановился. Застучали железные молотки о чугунные колеса вагонов, засуетились кондукторы, распахивая дверцы купе. Слышались возгласы: «Dirschau! Dirschau! Drei Minuten...»

Глафира Семеновна спокойно сидела около открытой двери купе и смотрела на платформу, по которой сновали носильщики с багажом, катились тележки с ящиками и тюками, суежилась публика, размахивая руками с зонтиками, баульчиками, связкой пледа. Николай Иванович спал, похрапывая самым аппетитным образом.

Вдруг к их купе подбежал кондуктор, несколько минут тому назад ревизовавший их билеты, и поспешно воскликнул, обращаясь к Глафире Семеновне:

– Madame, was sitzen Sie denn? Sie reisen nach Berlin, also hier müssen Sie umsteigen! Das ist schon Dirschau.

Глафира Семеновна ничего не поняла и, не шевелясь, смотрела во все глаза.

– Dirschau! müssen umsteigen! – повторил кондуктор и сделал жест, приглашающий ее выйти из вагона. – Schnell ler! Schneller! Umsonst werden Sie nach Danzig fahren.

– Коля! Да проснись же! Смотри, что он говорит! – засуетилась Глафира Семеновна, расталкивая мужа.

Тот проснулся и потягивался. Кондуктор кричал: «Schnell, schnell!» – и показывал, что надо выходить из вагона.

– Коля! Да прочухайся же! Он машет и показывает, чтобы мы выходили из вагона, – продолжала Глафира Семеновна. – Поломалось что-нибудь, что ли?

– Да почему же я-то знаю! – зевал Николай Иванович во всю ширину рта. – Спроси. Ведь ты все-таки лучше меня знаешь немецкий язык.

– Вир ин Берлин, – сказала кондуктору Глафира Семеновна.

– Ja, ja. Nach Berlin. Also hier müssen Sie umsteigen und weiter fahren. Gott im Himmel! Was tun Sie denn? Es bleibt nur eine Halbe Minute. Weg von Waggon.

И опять жест, приглашающий выйти из вагона. Николая Ивановича кондуктор даже схватил за руку и потянул к двери.

– Черт его знает, куда он меня тащит? – упирался тот. – Приехали, что ли? Хер кондуктор, Берлин?

– Ja, ja... Berlin... Schneller! Schneller!

– Глаша! Вообрази, в Берлин приехали! Вот так штука! – восклицал Николай Иванович, вытянутый уже кондуктором на платформу.

– Да что ты?

– Schneller, schneller, Madame! Um Gottes willen, schneller.

– Выходи скорей! Вот неожиданность-то! Думали, что завтра приедем в Берлин, а приехали ночью.

Выскочила из вагона и Глафира Семеновна, но все еще не верила и спрашивала кондуктора:

– Берлин? Берлин?

– Да, да... Отсюда вы должны ехать. Поезд вам укажут, – отвечал тот по-немецки.

Николай Иванович совал ему в руку два «немецких гривенника» и говорил:

– Данке, очень данке... Спасибо, что предупредили. Кондуктор захлопнул дверцы купе. Раздался свисток, и поезд помчался.

– Вот неожиданность-то! Приехали, в Берлин приехали! – бормотал Николай Иванович на платформе. – Как же немцы-то нам все твердили, что морген, морген, то есть завтра.

– Да ведь уж оно завтра и есть. Ведь говорили-то нам вчера. Ежели по часам судить, то теперь уж завтра, потому утро, – отвечала супруга. – Ну, пойдем. Надо в гостиницу ехать. Ведь мы решили сутки пробыть в Берлине и посмотреть город.

Они двинулись к станционным дверям. В окна виднелся буфет и снующие кельнеры.

– Вокзалишко-то неважный, – говорил Николай Иванович, переступая порог станционного дома. – Я думал, что в Берлине-то уж пошкарнее вокзал. Будешь что-нибудь есть и пить на станции?

– Какое теперь питье и еда! Только бы скорей до постели. Поедем скорее в гостиницу. Вон гостиничный швейцар стоит, и у него на шапке «Хотель де Берлин» написано. Поедем с ним. Наверное, у них карета. Он нам и наш багаж выправит. Дай ему квитанцию.

– Надо ведь еще про саквояж и подушки справиться, которые мы в том, прежнем поезде оставили. Ведь уж телеграмму нашу они, наверное, получили.

– Завтра справимся, завтра. Какая теперь справка! Поедем скорей в гостиницу. Даже и насчет багажа можно завтра утром. Где теперь хлопотать! Завтра встанем и пошлем с квитанцией. Швейцар и насчет подушек, саквояжей справится. Марья Ивановна говорила, что в Берлине в гостиницах есть такие лакеи, которые говорят по-русски. Вот такому и объясним все основательно.

Николай Иванович подошел к гостиничному швейцару с надписью на шапке и крикнул:

– Хотель де Берлин! Номер? Есть номера? Тот удивленно посмотрел на него и спросил:

– Was für ein Nummer fragen Sie, mein Herr?

– Комнату нам нужно... Циммер, – пояснила Глафира Семеновна.

Швейцар встрепнулся.

– Ein Logement wünschen Sie? Ein Zimmer? O ja, Madame, bitte... Haben Sie Koffer? Bagage?

– Багаж морген, морген. Шнель ин хотель. Вир волен шляфен...

– Bagage kann man bald kriegen. Geben Sie nur die Quittung.

– Найн... Багаж морген...

– Also, bitte, Madame. – Швейцар пригласил их следовать за собой.

– Карета у вас здесь, что ли? – спрашивал его Николай Иванович, но швейцар не понял и смотрел на него вопросительно. – Глаша! Как карета-то по-немецки? Спроси, – обратился Николай Иванович к жене.

– Ваген. Это как вагон. Хабензи ваген? – задала она вопрос швейцару.

– O, nein, Madame. Hier ist unweit. Nur zwanzig Schritte.

– Глаша! Что он говорит?

– Говорит, что нет кареты, а про что остальное бормочет – кто же его разберет.

Швейцар вывел супругов со станции и повел по плохо освещенной улице. Это удивило Николая Ивановича.

– Да в Берлин ли уж мы приехали? Не перепутались ли опять как? Черт его знает, может быть, кондуктор и в насмешку нам наврал, – говорил он. – Мне рассказывали, что Берлин залит газом. Кроме того, электрическое освещение. А здесь смотри, какая темень.

– Берлин? – спросила Глафира Семеновна швейцара.

– О, я, мадам. Хотель де Берлин, – отвечал швейцар, думая, что его спрашивают, из какой он гостиницы.

– И этот отвечает, что Берлин. Странно. А улица совсем темная. Только кой-где фонарик блестит. Да и народу-то на улице не видать. Ни народу, ни извозчиков, – дивился Николай Иванович.

Гостиница была действительно недалеко. Швейцар остановился около запертого и одним фонарем освещенного подъезда и позвонил. Дверь распахнули. Вышел непрезентабельный

человек с заспанным лицом и в сером пиджаке и повел Николая Ивановича и Глафиру Семеновну во второй этаж показывать комнату.

– Drei Mark, – сказал он.

– Три марки. Это, стало быть, три немецкие полтины, – соображал Николай Иванович, оглядывая довольно чистенькую комнату с двух кроватях, и ответил неприглядному человеку: – Ну гут.

Через полчаса Николай Иванович и Глафира Семеновна покоились уже крепчайшим сном в номере гостиницы «Берлин», находящейся на главной улице маленького немецкого городка Диршау. Засыпая, Николай Иванович говорил жене:

– То есть так рад, что и сказать не умею, что я попал наконец в Берлин.

– И я тоже, – отвечала жена.

Где же мы?

Глафира Семеновна утром проснулась первой, открыла глаза, потянулась под жиденьким пуховиком, заменяющим в Германии теплое одеяло, и проговорила:

– Николай Иваныч, ты не спишь?

В ответ на это послышался легкий всхрап и скрипнула кровать. Николай Иванович перевернулся на другой бок.

– Коля, вставай. Пора вставать. Смотри, как мы проспали: одиннадцатый час. Когда же мы будем осматривать город? Ведь надо умыться, одеться, чаю напиться, послать за нашим багажом и отыскать наши саквояжи и подушки. Ведь здесь, в Берлине, мы решили пробыть только один день Николай Иванович что-то промывчал, но не пошевелился. Жена продолжала его будить:

– Вставай! Проспишь полдня, так много ли тогда нам останется сегодня на осмотр города?

– Сегодня не осмотрим, так завтра осмотрим. Куда торопиться? Над нами не каплет, – пробормотал муж.

– Нет, нет, уж как ты там хочешь, а в немецкой земле я больше одного дня не останусь! Поедем скорей в Париж. Что это за земля, помилуйте! Ни позавтракать, ни пообедать нельзя настоящим манером без телеграммы. Питайся одними бутербродами. Всухомятку я не привыкла.

Глафира Семеновна быстро встала с постели и принялась одеваться. Николай Иванович протянул руку к ночному столику, вынул из портсигара папиросу, закурил ее и продолжал лежать, потягиваясь и побрякивая.

– Да и сегодня прошу тебя сделать как-нибудь так, чтобы нам здесь можно было пообедать настоящим манером с говяжьим супом и горячими бифштексами или котлетами, – просила Глафира Семеновна мужа. – Здесь такой обычай, чтоб обедать проезжающим по телеграмме, – ну, пошли им в гостиницу откуда-нибудь телеграмму, закажи обед – ну их, пусть подавятся.

– В гостинице-то, я думаю, можно обедать и без телеграмм. Телеграммы только для станций на железных дорогах, – отвечал муж.

– Все-таки пошли телеграмму. Расход невелик, а по крайней мере, тогда пообедаем наверняка... Телеграмму я тебе сама напишу. Я знаю как... «Хотель Берлин... Дине ин фир ур» – и потом нашу фамилию. Даже и не дине, – поправилась Глафира Семеновна. – Дине – это по-французски, а по-немецки – митаг. «Митаг ин фир ур», – вот и все.

– Лучше же прежде спросить кельнера. Я уверен, что для Берлина телеграммы не надо, – стоял на своем Николай Иванович.

– Ну, это если спрашивать, так, наверное, перепутаешься. Скажут – «да», а потом окажется, что нет, – и сиди голодным. Беда за границей без языка. Вот ежели бы мы говорили по-немецки настоящим манером.

– Вдвоем-то как-нибудь поднатужимся.

– Нам и так придется много натуживаться. Багаж надо добывать, саквояжи и подушки разыскать. Да что ж ты валяешься-то! Вставай... Смотри, уж одиннадцать часов!

Глафира Семеновна возвысила голос и сдернула с мужа пуховик. Муж принялся одеваться.

Через несколько минут супруги умылись, были одеты и звонили кельнеру. Тот явился, поклонился и встал в почтительной позе.

– Самовар, – обратился к нему Николай Иванович. – А тэ не надо. Тэ у нас есть. Цукер тоже есть.

Кельнер глядел на него во все глаза и, наконец, спросил:

– Tea wünschen Sie, mein Herr?

– Не тэ, а просто самовар и без цукер и без тэ. Глаша, как самовар по-немецки?

– Постой... Пусть уж просто чай несет. Может быть, самовар принесет?

– Да зачем же, ежели у нас есть свой чай?

– Ничего. Где тут с ним объясняться! Видишь, он ничего не понимает из нашего разговора. Брингензи тэ на двоих. Тэ фюр цвай.

– wünschen Sie auch Brot und Butter, Madame? – спросил кельнер.

Глафира Семеновна поняла и отвечала:

– Я... я... Брод и бутер... Да брингензи цитрон, брингензи кезе... И брод побольше... филь брод... Я, Николай Иванович, ужасно есть хочу...

Кельнер поклонился и стал уходить.

– Постойте... Вартензи, – остановила его Глафира Семеновна. – Флейш можно бринген? Я говядины, Николай Иваныч, заказываю. Может быть, и принесут. Флейш брингензи, калът флейш.

– Kaltfleisch, Madame?

– Калът, калът. Только побольше. Филь...

Явился чай, но без самовара. Кипяток или, лучше сказать, теплую воду подали в большом молочном кувшине.

– А самовар? Ферштеензи: самовар, – спрашивала Глафира Семеновна. – Самовар мит угли... с углями... с огнем... мит фейер, – старалась она пояснить и даже издала губами звуки – пуф, пуф, пуф, изображая вылетающий из-под крышки самовара пар.

– Sie wünschen Theemaschine. – Кельнер улыбнулся.

– Да, да... Я, я... Тэмашине, – подхватила Глафира Семеновна. – Вот поди же ты, какое слово забыла. А ведь прежде знала. Тэмашине.

– Theemaschine haben wir nicht, Madame. Das wird selten gefragt bei uns.

– Найн?

– Nein, – отрицательно потряс головой кельнер.

– Извольте видеть, нет у них самовара! Ну, Берлин! В хорошей гостинице даже самовара нет, тогда как у нас на каждом постоялом дворе. Ну а кипяток откуда же мы возьмем? Хайс вассер?

– Hier, – указал кельнер на кувшин.

– Здесь? Да это какой же кипяток! Это просто чуть тепленькая водица. Даже и пар от него не идет. Нам нужен кипяток, ферштеензи – кипяток, хайс вассер. И наконец, тут мало. Тут и на две чашки для двоих не хватит, а мы хотим филь, много, мы будем пить по пяти, по шести чашек. Ферштеензи – фюнф, зехс тассе.

– Брось, Глаша. Ну их к лешему. Как-нибудь и так напьемся. Видишь, здесь, в Неметчине, все наоборот, все шиворот-навыворот: на перинах не спят, а перинами покрываются, кипяток подают не в чайниках-арбузах, а в молочниках, – перебил жену Николай Иванович.

– И обедают по телеграммам, – прибавила та. – Геензи, – кивнула она кельнеру, давая знать, чтобы он удалился, но вдруг вспомнила и остановила его: – Или нет, постойте. Нам нужно получить наш багаж со станции. Багаже бекомен. Вот квитанции... Хир квитанец, – подала она кельнеру бумажку. – Ман кан?

– О, ja, Madame, – отвечал кельнер, принимая квитанцию.

– Ну так брингензи... Да вот еще квитанц от телеграмма... Вир хабен... – начала Глафира Семеновна, но сейчас же остановилась и, обратясь к мужу, сказала: – Вот тут-то я и не знаю, как мне с ним объясниться насчет наших саквояжей и подушек, что мы оставили в поезде. Ты уж помогай как-нибудь. Хир телеграмма. Вир хабен в вагоне наши саквояжи и подушки

ферлорен... То есть не ферлорен, а геляссен в Кенигсберге, а саквояжи и подушки варен ин Берлин.

Кельнер стоял, слушал и таращил глаза.

– Саквояжи и подушки. Ферштейн? – старался пояснить Николай Иванович, снял с постели подушку и показал кельнеру.

– Kissen? – спросил кельнер.

– Вот, вот... Киссен... В вагоне геляссен. Вир хабен геляссен и телеграфирен.

Кельнер взял квитанции от багажа и на отправленную телеграмму и удалился.

– Бьюсь об заклад, что ничего не понял! – воскликнул ему вслед Николай Иванович.

– Как не понять! Наверное, понял, – отвечала Глафира Семеновна. – Я ему все обстоятельно сказала. Я теперь уж многие немецкие слова вспомнила и говорю лучше, чем вчера. Да и вообще научилась в дороге. Это ты только ничему не можешь выучиться.

Она принялась пить чай и истреблять бутерброды с сыром и телятиной. Послышался стук в дверь, и кельнер вернулся. В руке он держал квитанции и улыбался.

– Мы сейчас разглядели в конторе квитанции. По этим квитанциям вы можете получить ваш багаж и вещи только в Берлине, а не здесь, – сказал он по-немецки, кладя квитанции на стол.

Супруги в недоумении глядели на него и не понимали, что он говорит.

– Коля, ты не понял, что он говорит? – спросила мужа Глафира Семеновна. – Я решительно ничего не понимаю.

– А мне-то откуда же понимать, ежели я немецким словам в лавке от чухон учился.

– Дурак! – выбранилась жена и, обратясь к кельнеру, сказала: – Брингензи, брингензи багаже. Мы заплатим.

– Das kann man nicht, Madame. Das werden Sie in Berlin kriegen.

– Ну да, ин Берлин. Ведь мы в Берлине. Вир ин Берлин, вир зитцен ин Берлин. Хир Берлин?

– Hier ost Dirschau, Madame... Stadt Dirschau...

Глафира Семеновна начала соображать и вспыхнула.

– Как Диршау? Какой штат Диршау?! – воскликнула она. – Берлин!

– Nein, Madame.

Кельнер снял со стены карту гостиницы, поднес к Глафире Семеновне и указал на заголовок, где было напечатано по-немецки: «Hotel de Berlin in Dirschau». Читать по-немецки Глафира Семеновна умела, она прочла и вскрикнула:

– Николай Иваныч! Да знаешь ли ты, что мы приехали не в Берлин, а в какой-то город Диршау?

– Да что ты... Неужели?.. – пробормотал Николай Иванович, разинул рот от удивления и стал скоблить затылок.

Третья попытка

– Ну что ж это такое! Ведь уж это совсем из рук вон! Ведь это ни на что не похоже! – сердилась Глафира Семеновна, всплескивая руками и бегая по комнате. – Вот уж сколько времени едем в Берлин, колесим, колесим и все в него попасть не можем. Второй раз не в то место попадаем. Диршау... Какой это такой Диршау? Где он? – остановилась она в вопросительной позе перед Николаем Ивановичем.

Тот по-прежнему сидел, досадливо кряхтел и чесал затылок.

– Николай Иваныч, я тебя спрашиваю! Что ты идилом-то сидишь?! Где это такой Диршау? В какой он такой местности? Может быть, мы опять не по той железной дороге поехали?

– Да почему же я-то знаю, матушка! – отвечал муж.

– Однако ты все-таки в коммерческом училище учился.

– Всего только полтора года пробыл, да и то там всей моей науки только и было, что я на клиросе дискантом пел да в классе в стальные перья играл. А ты вот четыре года в пансионе у мадамы по стульям елозила, да и то ничего не знаешь.

– Наша наука была дамская: мы танцевать учились да кошельки бисерные вязать и поздравления в Рождество, в день ангела папеньки и маменьки писать; так откуда же мне о каком-то Диршау знать! Справься же, наконец, как нам отсюда в Берлин попасть! Наверное, мы в какое-нибудь немецкое захолустье заехали, потому что здесь в гостинице даже самовара нет.

– Как я справлюсь? Как?.. Начнешь справляться – и опять перепутаешься. Ведь я ехал за границу, так на тебя понадеялся. Ты стрекотала, как сорока, что и по-французски, и по-немецки в пансионе училась.

– И в самом деле училась, да что же поделаешь, ежели все слова перезабыла. Рассчитываемся же скорее здесь, в гостинице, и пойдем на железную дорогу, чтоб в Берлин ехать. С какой стати нам здесь-то сидеть?

– Я в Берлин не поеду, ни за что не поеду! Чтоб ей сдохнуть, этой Неметчине! Провались она совсем! Прямо в Париж. Так и будем спрашивать, где тут дорога в Париж.

– А багаж-то наш? А чемоданы-то наши? А саквояжи с подушками? Ведь они в Берлин поехали, так надо же за ними заехать. Ведь у нас все вещи там, мне даже сморкнуться не во что.

– Ах, черт возьми! Вот закуска-то! – схватился Николай Иванович за голову. – Ну, переплет! Господи боже мой, да скоро ли же кончатся все эти немецкие мучения! Я уверен, что во французской земле лучше и там люди по-человечески живут. А все-таки надо ехать в Берлин, – сказал он и прибавил: – Ну вот что... До Берлина мы только доедем, возьмем там на станции наш багаж и сейчас же в Париж. Согласна?

– Да как же не согласна-то! Мы только едем по Неметчине и нигде в ней настоящим манером не останавливаемся, а уж и то она мне успела надоесть хуже горькой редьки. Скорей в Париж, скорей! По-французски я все-таки лучше знаю.

– Может быть, тоже только «пермете муа сортир» говоришь? Так эти-то слова и я знаю.

– Что ты, что ты... У нас в пансионе даже гувернантка была француженка. Она не из настоящих француженок, но все-таки всегда с нами по-французски говорила.

Николай Иванович позвонил кельнеру.

– Сколько гольд за все происшествие? Ви филь? – спросил он, указывая на комнату и на сервировку чая. – Мы едем в Берлин. Скорей счет.

Кельнер побежал за счетом и принес его. Николай Иванович подал золотой. Ему сдали сдачи.

– Сколько взяли? – спрашивала Глафира Семеновна мужа.

– Да кто ж их знает! Разве у них разберешь? Сколько хотели, столько и взяли. Вон счет-то, бери его с собой. В вагоне на досуге разберешь, ежели сможешь. Скорей, Глафира Семеновна! Скорей! Надевай пальто и идем.

Супруги оделись и вышли из комнаты. Кельнер стоял и ждал подачки на чай.

– Дай ему два-три гривенника. Видишь, он на чай ждет, – сказала Глафира Семеновна.

– За что? За то, что вместо Берлина облыжно в какой-то паршивый Диршау заманил? Вот ему вместо чая! – И Николай Иванович показал кельнеру кулак.

– Mein Herr! Was machen Sie! – попятился кельнер.

– Ничего, майн хер! Не заманивай. Мы явственно спрашивали: Берлин ли это или не Берлин?

– Да ведь не у него, а у швейцара.

– Одна шайка. Проезжающих тут у них нет, вот они давай надувать православный народ. Глафира Семеновна, однако, сжалась над кельнером, обернулась и сунула ему в руку два «гривенника».

Спустились к входной двери. Им кланялся швейцар, ожидая подачки.

– Я тебя, мерзавец! – кивнул ему Николай Иванович. – Ты благодари Бога, что я тебе бока не обломал.

– Да брось. Ну, чего тут? Ведь нужно будет у него спросить, где тут железная дорога, по которой в Берлин надо ехать, – остановила мужа Глафира Семеновна, сунула швейцару два «гривенника» и спросила: – Во ист айзенбан ин Берлин?

– Это здесь, мадам. Это недалеко. Дорога в Берлин та же самая, по которой вы к нам приехали, – отвечал швейцар по-немецки, указывая на виднеющееся в конце улицы серенькое здание.

– На ту же самую станцию указывает! – воскликнул Николай Иванович. – Врет, врет, Глаша, не слушай. А то опять захороводимся.

– Да ведь мы на станции-то опять спросим. Спросим и проверим. Язык до Киева доведет.

– Нас-то он что-то не больно-то доводит. Ну, двигайся. Они шли по улице по направлению к вокзалу.

– Ах, кабы по дороге какого-нибудь бродячего торговца татарина встретить и у него носовой платок купить, а то мне даже утереться нечем.

– Утреешься и бумажкой.

По дороге, однако, был магазин, где на окне лежали носовые платки. Супруги зашли в него и купили полдюжины платков. Пользуясь случаем, Глафира Семеновна и у приказчика в магазине спросила, где железная дорога, по которой можно ехать в Берлин. Приказчик, очень учтивый молодой человек, вывел супругов из магазина на улицу и указал на то же здание, на которое указывал и швейцар.

– Видишь, стало быть, швейцар не соврал, – отнеслась к мужу Глафира Семеновна.

На станции опять расспросы словами и пантомимами. Кое-как добились, что поезд идет через полтора часа.

– Ой, врут! Ой, надувают! Уж такое это немецкое сословие надувательное! – говорил Николай Иванович. – Ты, Глаша, спроси еще.

И опять расспросы. Ответ был тот же самый.

– Да поняла ли ты настоящим манером? – все сомневался Николай Иванович.

– Да как же не понять-то. Три человека часы вынимали и прямо на цифры указывали, когда поезд в Берлин идет. Ведь я цифры-то знаю.

– Да в Берлин ли? Не заехать бы опять в какой-нибудь новый Диршау...

– В вагоне будем спрашивать.

Промаячив на станции полтора часа и все еще расспрашивая у каждого встречного о поезде в Берлин, супруги наконец очутились в вагоне. Их усадил какой-то сердобольный железнодорожный сторож, видя их замешательство и беспокойное беганье по вокзалу.

– Да ин Берлин ли? – снова спросил Николай Иванович, суя ему в руку два «гривенника». – Ин Берлин?

– Berlin, Berlin. Direct nach Berlin, – ответил сторож. Поезд тронулся.

– Доедем до Берлина, никуда больше не попадая, – свечку в рубль поставлю, – произнес Николай Иванович.

– Ах, дай-то Бог! – пробормотала Глафира Семеновна и украдкой перекрестилась.

Наконец Берлин. Настоящий

Путь от Диршау до Берлина Николай Иванович и Глафира Семеновна проехали без особенных приключений. Они ехали в вагоне прямого сообщения, и пересаживаться им уже нигде не пришлось. Поезд летел стрелой, останавливаясь на станциях, как и до Диршау, не более одной-двух минут, но голодать им не пришлось. Станционные мальчишки-кельнеры разносили по платформе подносы с бутербродами и стаканы пива и совали их в окна вагонов желающим. Глафира Семеновна, отличающаяся вообще хорошим аппетитом, набрасывалась на бутерброды и набивала ими рот во все время пути. Николай Иванович пил пиво где только можно, залпом проглатывая по большому стакану, а иногда и по два, и значительно повеселел и даже раз вступил в разговор с каким-то немцем о солдатах. Разговор начался с того, что Николай Иванович кивнул жене на партию прусских солдат, стоящих группой на какой-то станции, и сказал:

– Глаша, смотри, какие немецкие-то солдаты маленькие, худенькие, совсем вроде как бы лиможский скот. Наш казак таких солдат пяток штук одной рукой уберет.

Сидевший против Николая Ивановича угрюмый немец, усердно посасывающий сигару, услышав в русском разговоре слова «солдат» и «казак», тотчас же от нечего делать спросил его по-немецки:

– А у вас в России много солдат и казаков?

Николай Иванович, тоже понявший из немецкой фразы только слова «Russland, viel Soldaten и Kosaken», воскликнул:

– У нас-то? В Руссланд? Филь, филь... Так филь, что просто ужаси. И солдат филь, и казаков филь. И наш казак нешто такой, как ваши солдаты? У вас солдаты тоненькие, клейн, их плевком перешибить, а наш казак – во!.. – сказал он, поднялся с дивана и показал рукой до потолка. – Кулачище у него – во, в три пуда весом.

Николай Иванович сложил руку в кулак и поднес его немцу чуть не под нос. Немец понял так, что этим кулаком Николай Иванович хочет показать, что в случае войны русские так сожмут в кулак немцев, пожал плечами и, пробормотав: «Ну, это еще Бог знает», умолк и прекратил разговор. Николай же Иванович, воспламенившись разговором, не унимался и продолжал доказывать силу казака.

– Ваш солдат нешто может столько шнапс тринкен, сколько наш казак будет тринкен? Вы, немцы, бир тринкен можете филь, а чтоб шнапс тринкен – вас на это нет. Что русскому здорово, то немцу смерть. Наш казак вот такой глянц шнапс тринкен может, из которого дейч менш бир тринкен, и наш руссиш менш будет ни в одном глазе... А ваш дейч менш под лавку свалится, у него подмикитки ослабнут. У нас щи да каши едят, а у вас суп брандахлыст да колбасу; наш солдат черным-то хлебом напнется, так двоих-троих дейч менш свалит, а ваш дейч солдат на белой булке сидит. Оттого наш русский солдат и силен. Ферштейн?

Немец молчал и улыбался. Николай Иванович продолжал:

– С вашей еды силы не нагуляешь. Мы вот в вашем Кенигсберге вздумали поесть, эссен, а нам подали котлеты меньше куриного носа; а у нас коммензи в трактире Тестова в Москве, так тебе котлету-то словно от слона выворотят. Ваши котлеты – клайн, а наши котлеты – гросс.

В довершение всего Николай Иванович стал рассказывать немцу о казацкой ловкости на коне и даже стал показывать в вагоне некоторые приемы казацкой джигитовки.

– А у вас, у дейч солдат, ничего этого нет, – закончил он и отер платком выступивший на лбу пот.

– Да что ты ему рассказываешь-то, – заметила мужу Глафира Семеновна. – Ведь он все равно по-русски не понимает.

– Да ведь я с немецкими словами, так как же не понять! Не бойся, понял, – подмигнул Николай Иванович. – Понял и умолк, потому чувствует, что я правду...

Вечером приехали в Берлин. Поезд, проходя над улицами и минуя громадные дома с вывесками, въехал наконец в блестяще освещенный электричеством вокзал и остановился.

– Вот он, Берлин-то! – воскликнул Николай Иванович. – Тут уж, и не спрашивая, можно догадаться, что это Берлин. Смотри, в вокзале-то какая толкотня. Словно в Нижнем во время ярмарки под главным домом, – обратился он к жене. – Ну, выходи скорей из вагона, а то дальше куда-нибудь увезут.

Они вышли из вагона.

– Багаже где можно взять? Багаже? – сунул Николай Иванович какому-то сторожу квитанцию.

– Weiter, mein Herr, – отмахнулся тот и указал куда-то рукой.

– Багаже... – сунулся Николай Иванович к другому сторожу, и опять тот же ответ.

Пришлось выйти к самому выходу из вокзала. Там, около дверей, стояли швейцары гостиниц, с медными бляхами на фуражках, и приглашали к себе путешественников, выкрикивая название своей гостиницы. Один из таких швейцаров, слыша русский разговор Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, прямо обратился к ним на ломаном русском языке:

– В наш отель говорят по-русски. В наш отель первая ранг комната от два марка до двадцать марка!

– Глаша! Слышишь! По-русски болтает! – радостно воскликнул Николай Иванович и чуть не бросился к швейцару на шею: – Голубчик! Нам багаж надо получить. По-немецки мы ни в зуб и уж претерпели в дороге от этого, яко Иов многострадальный! Три немецких полтинника на чай, выручи только откуда-нибудь багаж.

– Можно, можно, ваше превосходительство. Давайте ваш квитунг и садитесь в наша карета, – отвечал швейцар.

– Вот квитанция. Да кроме того, надо саквояжи и подушки получить. Мы растерялись в дороге и забыли в вагоне все наши вещи.

Николай Иванович передал швейцару происшествие с саквояжами.

– Все сделаю. Садитесь прежде в наша карета, – приглашал швейцар.

– Да нам не нужно кареты, мы не останемся в Берлине; мы побудем на вокзале и в Париж поедем. Нам не нужно вашей гостиницы, – отвечала Глафира Семеновна.

– Тогда я не могу делать ваш комиссион. Я служу в отель. – Швейцар сухо протянул квитанцию обратно.

– Да уж делайте, делайте! Выручайте багаж и вещи! Мы поедем к вам в гостиницу! – воскликнул Николай Иванович. – Черт с ними, Глаша! Остановимся у них в гостинице и переночуем ночку. К тому же теперь поздно. Куда ехать на ночь глядя? Очень уж я рад, что попался человек, который по-русски-то говорит, – уговаривал он жену и прибавил швейцару: – Веди, веди, брат, нас в твою карету!

Через четверть часа супруги ехали по ярко освещенным улицам Берлина в гостиницу.

– Не поезжай к ним в гостиницу – ни подушек, ни саквояжей своих не выручили бы и опять как-нибудь перепутались бы. Без языка – беда, – говорил Николай Иванович, сидя около своих вещей.

Анафемская клетка

– Ну уж ты как хочешь, Николай Иванович, а я здесь, в Берлине, больше одной ночи ни за что не останусь. Чтоб завтра же в Париж ехать! С первым поездом ехать, – говорила Глафира Семеновна. – Немецкая земля положительно нам не ко двору. Помилуйте, что это за земля такая, где куда ни сунешься, наверное, не в то место попадешь.

– Да уж ладно, ладно, завтра поедем, – отвечал Николай Иванович. – Пиво здесь хорошо. Только из-за пива и побывать стоит. Пива сегодня попьем вволю, а завтра поедем.

– Я даже и теперь-то сомневаюсь, туда ли мы попали, куда следует.

– То есть как это?

– Да в Берлин ли?

– Ну вот! Как же мы иначе багаж-то наш получили бы? Как же забытые-то в вагоне сак-вояжи и подушки выручили бы? Ведь они до Берлина были отправлены.

– Все может случиться.

– Однако ты видишь, по каким мы богатым улицам едем. Все газом и электричеством залито.

– А все-таки ты спроси у швейцара-то еще раз: Берлин ли это.

Николай Иванович поднял стекло кареты и высунулся к сидящему на козлах рядом с кучером швейцару.

– Послушайте... Как вас? Мы вот все сомневаемся, Берлин ли это?

– Берлин, Берлин. Вот теперь мы едем по знаменитая улица Unter den Linden, Под Липами, – отвечал швейцар.

– Что ж тут знаменитого, что она под липами? У нас, брат, в Петербурге этих самых лип на бульварах хоть отбавляй, но мы знаменитыми их не считаем. Вот Бисмарк вашего мы считаем знаменитым, потому в какой журнал или газету ни взгляни, – везде он торчит. Где он тут у вас сидит-то, показывай. В натуре на него все-таки посмотреть любопытно.

– Fürst Бисмарк теперь нет в Берлине, господин.

– Самого-то главного и нет. Ну а где у вас тут самое лучшее пиво?

– Пиво везде хорошо. Лучше берлинский пиво нет. Вот это знаменитый Бранденбург-Тор, – указывал швейцар.

– По-нашему, Триумфальные ворота. Так это, брат, есть и у нас. Этим нас не удивишь. Вы вот их за знаменитые считаете, а мы ни за что не считаем, так что даже и стоят-то они у нас в Петербурге на краю города, и мимо их только быков на бойню гоняют. Скоро приедем в гостиницу?

– Сейчас, сейчас, ваше превосходительство.

Карета остановилась около ярко освещенного подъезда гостиницы. Швейцар соскочил с козел, стал высаживать из кареты Николая Ивановича и Глафиру Семеновну и ввел их в фойе. Второй швейцар, находившийся там, позвонил в объемистый колокол. Где-то откликнулся колокол с более нежным тоном. С лестницы сбежал кельнер во фраке:

– Sie wünschen ein Zimmer, mein Herr?

– Я, я... Только не грабить, а брать цену настоящую, – отвечал Николай Иванович.

– Der Herr spricht nicht deutsch, – кивнул швейцар кельнеру и, обратясь к Николаю Ивановичу, сказал: – За пять марок мы вам дадим отличная комната с две кровати.

– Это то есть за пять полтинников, что ли? Ваша немецкая марка – полтинник?

– Немножко побольше. Пожалуйста, мадам... Прошу, господин.

Супруги вошли в какую-то маленькую комнату. Швейцар захлопнул стеклянную дверь. Раздался электрический звонок, потом легкий свисток, и комната начала подниматься, уходя в темноту.

– Ай, ай! – взвизгнула Глафира Семеновна. – Николай Иванович! Голубчик! Что это такое? – ухватилась она за мужа, трясаясь, как в лихорадке.

– Это, мадам, подъемный машин, – отвечал голос швейцара.

– Не надо нам, ничего не надо! Отворите!.. Пустите... Я боюсь... Впотьмах еще бог знает что делается... Выпустите...

– Как можно, мадам... Теперь нельзя... Теперь можно убиться.

– Николай Иванович! Да что ж ты молчишь, как истукан!

Николай Иванович и сам перепугался. Он тяжело отдувался и, наконец, проговорил:

– Потерпи, Глаша... Уповай на Бога... Куда-нибудь доедем.

Через минуту подъемная машина остановилась, и швейцар распахнул дверцу и сказал:

– Прошу, мадам.

– Тьфу ты, чтоб вам сдохнуть с вашей проклятой машиной! – плевался Николай Иванович, выходя на площадку лестницы и выводя жену. – Сильно перепугалась?

– Ужаси!.. Руки, ноги трясутся. Я думала, и невесть куда нас ташат. Место чужое, незнакомое, вокруг все немцы... Думаю, вот-вот в темноте за горло схватят.

– Мадам, здесь отель первый ранг, – вставил замечание швейцар, как бы обидевшись.

– Плевать я хотела на ваш ранг! Вы прежде спросите, желают ли люди в вашей чертовой люльке качаться. Вам только бы деньги с проезжающих за ваши фокусы сорвать. Не плати им, Николай Иванович, за эту анафемскую клетку, ничего не плати...

– Мадам, мы за подъемную машину ничего не берем.

– А не берете, так с вас нужно брать за беспокойство и испуг. А вдруг со мной сделались бы нервы и я упала бы в обморок?

– Пардон, мадам... Мы не хотели...

– Нам, брат, из вашего пардона не шубу шить, – огрызнулся Николай Иванович. – Успокойся, Глаша, успокойся.

– Все ли еще у меня цело? Здесь ли брошка-то бриллиантовая? – ощупывала Глафира Семеновна брошку.

– Да что вы, мадам... Кроме меня и ваш супруг, никого в подъемный карет не было, – конфузился швейцар, повел супругов по коридору и отворил номер.

– Вот... Из ваших окон будет самый лучший вид на Паризерплац.

– Цены-то архаровские, – сказал Николай Иванович, заглядывая в комнату, которую швейцар осветил газовым рожком. – Войдем, Глаша.

Глафира Семеновна медлила входить.

– А вдруг и эта комната потемнеет и куда-нибудь подниматься начнет? – испуганно произнесла она. – Я, Николай Иванович, решительно больше не могу этого переносить. Со мной сейчас же нервы сделаются, и тогда, смотрите, вам же будет хуже.

– Да нет же, нет. Это уж обыкновенная комната.

– Кто их знает! В их немецкой земле все наоборот. Без машины эта комната? Никуда она не опустится и не поднимется? – спрашивала она швейцара.

– О нет, мадам! Это самый обыкновенный комната. Глафира Семеновна робко переступила порог.

– О господи! Только бы переночевать, да вон скорей из этой земли! – бормотала она.

– Ну, так и быть, останемся здесь, – сказал Николай Иванович, садясь в кресло. – Велите принести наши вещи. А как вас звать? – обратился он к швейцару.

– Франц.

– Ну, хер Франц, так уж вы так при нас и будете с вашим русским языком. Три полтины обещал дать на чай за выручку наших вещей на железной дороге, а ежели при нас сегодня вечером состоять будете и завтра нас в какой следует настоящий вагон посадите, чтобы нам, не перепутавшись, в Париж ехать, то шесть полтин дам. Согласен?

– С удовольствием, ваше превосходительство. Теперь не прикажете ли что-нибудь из буфета?

– Чайку прежде всего.

– Даже русский самовар можем дать.

Швейцар позвонил, вызвал кельнера и сказал ему что-то по-немецки.

– Глаша! Слышишь! Даже русский самовар подадут, – сказал Николай Иванович жене, которая сидела насупившись. – Да что ты, дурочка, не бойся. Ведь уж эта комната неподвижная. Никуда нас в ней не потянут.

– Пожалуйста, за немцев не ручайся. Озорники для проезжающих. Уж ежели здесь заставляют по телеграммам обедать, то чего же тебе?..

– Ах да... Поужинать-то все-таки сегодня горячим будет можно?

– О да... У нас лучший кухня.

– И никакой телеграммы посылать сюда не надо? – спросила швейцара Глафира Семеновна.

Швейцар посмотрел на нее удивленно и отвечал:

– Зачем телеграмма? Никакой телеграмма.

Люди без понятия

После того как швейцар удалился, кельнер подал чай и тот русский самовар, которым похвастался швейцар. Глафира Семеновна хоть и была еще все в тревоге от испуга на подъемной машине, но при виде самовара тотчас же расхохоталась.

– Смотри, смотри... И это они называют русским самоваром! Ни трубы, ни поддувала, – обратилась она к мужу. – Какое-то большое мельхиоровое яйцо с краном, а внизу спиртовая лампа – вот и все.

– Брось уж. Не видишь разве, что здесь люди без понятия к русской жизни, – отвечал презрительно Николай Иванович. – Немцы, хоть ты кол им на голове теши, так ничего не поделаешь. Ну, я пока буду умываться, а ты разливай чай. Напьемся чайку и слегка булочками закусим, а уж на ночь поужинаем вплотную.

– Геензи, кельнер... ничего больше. Нихтс, – кивнула Глафира Семеновна кельнеру.

Напившись чаю, Николай Иванович опять позвонил швейцару.

– Ну, хер Франц, надо нам будет немножко Берлин посмотреть. Веди, – сказал Николай Иванович.

– Нет, нет... Ни за что я никуда не пойду! – воскликнула Глафира Семеновна. – Еще опять в какую-нибудь машину вроде подъемной попадешь и перепугаешься.

– Да что ты, глупая! Хер Франц теперь предупредит, коли ежели что.

– Да, да, мадам. Будьте покойны. Больше ничего не случится, – отвечал швейцар.

– Пойдем, Глаша, – упрашивал жену Николай Иванович.

– Ну хорошо. Только уж спускаться я ни за что не буду на вашей подъемной машине.

– Вы где это, хер Франц, русской-то образованности обучались, в какой такой академии наук? – задал Николай Иванович вопрос швейцару.

– Я, мосье, в Варшава один большой отель управлял, там и научился.

– А сам-то вы немец?

– Я больше поляк, чем немец.

– Еврей, что ли?

– Что вы, ваше превосходительство? Я поляк, но родился в Кенигсберге...

– В Кенигсберге? Ну, проку не будет! – воскликнула Глафира Семеновна. – Я умирать буду, так и то этот город вспомню. В этом городе нам обедать не дали и потребовали какую-то телеграмму, в этом городе мы перепутались и попали вместо берлинского поезда в какой-то гамбургский поезд и приехали туда, куда совсем не следует.

– Да ведь гамбургский поезд тот же, что и берлинский поезд. От Кенигсберг оба поезд идут до Диршау...

– Диршау? Ох, про этот город и не говорите. Этот город просто ужасный город! – воскликнул в свою очередь Николай Иванович. – Там живут просто какие-то разбойники. Они обманым образом заманили нас туда, сказав, что это Берлин, и продержали целую ночь в гостинице, чтобы содрать за постой.

Швейцар пожал плечами.

– Удивительно, как это случилось, что вы говорите про Кенигсберг. От Кенигсберга до Диршау один поезд и на Гамбург, и на Берлин. Вам нужно было только слезть в Диршау и пересест в другой поезд.

– Ну а нам сказали, что надо поехать обратно в Кенигсберг, и мы, не доезжая Диршау, вышли из вагона на какой-то станции и поехали обратно в Кенигсберг, чтоб из Кенигсберга сесть в берлинский поезд.

– Это шутка. Это кто-нибудь шутки с вами сделал.

– Как шутки! Нам кондуктор сказал и даже высадил нас чуть не силой. Нам начальник станции сказал и даже штраф хотел взять.

– Вас надули, господин, или вы не поняли чего-нибудь. Поезд от Кенигсберга как на Берлин, так и на Гамбург – один, и только в Диршау он делится, – стоял на своем швейцар.

– Да нет же, нет! – воскликнул Николай Иванович.

– Ну что ты споришь, Коля! – остановила его жена. – Конечно же нас могли и надуть, и в насмешку; конечно же мы могли и не понять, что нам говорили по-немецки. Толкуют, а кто их разберет, что толкуют. Я по-немецки только комнатные слова знаю, а ты хмельные, так разве мудрено понять все шиворот-навыворот? Так и вышло.

– Уверю вас, господин, что вам не следовало ехать обратно в Кенигсберг, чтобы садиться в берлинский поезд. Дорога до Диршау одна. Я это очень хорошо знаю, – уверял швейцар. – Я служил на эта дорога.

Николай Иванович досадливо чесал затылок и повторял:

– Без языка, без языка... Беда без языка! Ну, однако, что ж у вас в Берлине сегодня вечером посмотреть? – обратился он к швейцару.

– В театры теперь уже поздно, не поспеем к началу; но можно побывать в нашем аквариуме.

– Ах, и у вас, так же как и в Петербурге, есть аквариум? Глаша! Слышишь, и у них в Берлине есть аквариум.

– Наш берлинский аквариум – знаменитый аквариум. Первый в Европа.

– Браво. А кто у вас там играет?

Швейцар посмотрел на него удивленными глазами и отвечал:

– Рыбы... Рыбы... Рыбы там и амфибиен.

– Да неужели рыбы?

– О, господин, там рыб много. Есть рыбы с моря, есть рыбы с океан.

– И играют?

– Да, да... играют.

– Глаша, слышишь! В аквариуме-то ихнем рыбы играют. Надо непременно пойти и послушать.

– Да что ты? – удивилась Глафира Семеновна.

– Вот рассказывает. Ведь этого в другой раз ни за что не услышишь. А кто у них дирижирует? Как вы сказали? – допытывался Николай Иванович.

– То есть как это? Я ничего не сказал, – удивился швейцар.

– Нет, нет... Вы сказали. Такая немецкая фамилия. Анти... Антиби...

– Я сказал, что там есть рыбы и амфибиен, – повторил швейцар.

– Послушаем, брат, хер Франц, этого Амфибиена, послушаем. Веди нас. Глаша, одевайся! Это недалеко?

– Да почти рядом. Unter den Linden, – отвечал швейцар.

– Это что же такое? Я по-немецки не понимаю.

– Наш бульвар Под Липами. Я давеча вам показывал.

– Ах, помню, помню. Ну, Глаша, поворачивайся, а то будет поздно. Да вот что, хер Франц, закажи, брат, нам здесь, в гостинице, ужин к двенадцати часам, а то я боюсь, как бы нам голодным не остаться.

– Зачем здесь? – подмигнул Николаю Ивановичу швейцар, ободренный его фамильярностью. – Мы найдем получше здешнего ресторан, веселый ресторан.

– Ну, вали! Жарь! Вот это отлично. Люблю, кто мне потрафляет. Глаша!

– Я готова.

Из-за алькова вышла Глафира Семеновна в ватерпруфе и шляпке, и супруги стали выходить из номера. Сзади них шел швейцар.

Аквариум

Глафира Семеновна и Николай Иванович, в сопровождении швейцара, сошли по лестнице гостиницы и вышли на улицу, прилегающую к бульвару Unter den Linden, и вскоре свернули на него. Был уже девятый час вечера; некоторые магазины запирались, потушив газ в окнах, но уличное движение не утихало. Громыхали колесами экипажи, омнибусы, пронзительно щелкали бичи, вереницами тянулись ломовые извозчики с громадными фурами, нагруженными поклажей чуть не до третьего этажа домов и везомыми парой, тройкой и даже четверкой лошадей в ряд и цугом. Легкие экипажи сторонились и давали дорогу этим чудовищам.

– Вот эта наша знаменитая улица Под Липами, – похвастался швейцар. – Наш Невский перспектив.

– А ежели эта у вас на манер нашего Невского проспекта, то зачем же у вас ломовых-то пускают загромождать дорогу? – спросил Николай Иванович. – Смотри-ка, какие фуры. Чуть не с дом.

– А куда же деваться? Ведь это улица. Они едут по свой дело.

– Объезжай по задним улицам. Тут прогулка чистой публики, и вдруг лезет ломовой. Да еще какой ломовой! На саженных колесах и в тройку лошадей! Нет, у нас, в Петербурге, по главным улицам этим дубинам ездить не позволяют. Колеси по закоулкам. Нехороши, брат Франц, у вас насчет этого порядки, нехороши, хоть и Берлин.

– Но ежели ему нужно. Ведь он по делу, – опять повторил швейцар.

– Мало ли что нужно! Мало ли что по делу! Объезжай. Куда ему торопиться! Над ним не каплет. Ведь не в театр к началу представления спешит.

– Но ведь через это доставка товара должна быть дороже.

– То есть как это?

– Да так. Ехать по прямой путь – он сделает больше рейсов и может за провоз взять дешевле! Тут экономи, большой экономи.

– Глаша! Слышишь, как рассуждают! Вот на обухе-то рожь молотят! – отнесся Николай Иванович к жене.

– Да уж известно, немцы. Как же им иначе-то рассуждать! – отвечала та.

– И зачем у вас такие телеги громадные, чтобы их в три и четыре лошади таскать? – дивился Николай Иванович. – У нас телеги в одну лошадь.

– Большие телеги тоже экономи, – отвечал швейцар. – Каждый маленький телега в одна лошадь нужно один извозчик, а к большая телега в три лошадь тоже нужно один человек. Большая телега везет столько, сколько везет три телега, – и вот два человек, два извозчик в экономи. Эти извозчик могут работать другое дело.

– Ой, ой, ой, как рассуждают! Глаша, слышишь?

– Да уж слышу, слышу. Дай шляпки-то дамские мне посмотреть. – Глафира Семеновна в это время остановилась около модного магазина.

– Вот наш знаменитый аквариум, – указал, наконец, швейцар на подъезд, освещенный электричеством. – Пожалуйста навстречу.

– Как навстречу? Да разве у вас аквариум-то не сад? – удивился Николай Иванович. – У нас в саду.

– Как возможно в саду! Тут есть такие рыбы и амфибии, что им нужно теплый цонне... теплый климат... Вы пальто снимите и отдайте. Будет жарко.

– Снимем, снимем. Ну, поднимайся, Глаша. А я думал, Франц, что у вас в аквариуме этот... как его?.. Вот что к нам-то приезжал... Штраус, вот кто, – вспомнил Николай Иванович. – Я думал, что у вас в аквариуме Штраус, – продолжал он.

– Штраус на Зоологический сад... Там и штраф, там и жираф, там и гиппопотам, там и ваш русский айсбер, ледяной медведь.

Супруги взяли билеты и в сопровождении швейцара вошли в аквариум. Направо и налево стеклянные резервуары с плавающей в воде рыбой. Николай Иванович взглянул мельком и сказал швейцару:

– Ну, мимо! Чего тут простых-то рыб рассматривать! Этого добра у нас в Петербурге в каждом трактире в садке много плавает. А ты води к ученым рыбам, которые вот музыку-то играют.

Швейцар покосился на него и повел дальше. Показался террариум с черепахами.

– Вот тут шильдкрете, – указал он.

– Черепахи? – заглянула Глафира Семеновна, сморщилась и проговорила: – Фу, какая гадость! Ведите скорей нас к эстраде-то.

Швейцар опять покосился. Он недоумевал, отчего это путешественники пришли в аквариум и ни на что смотреть не хотят.

– Сейчас будут знаменитый орангутанг и горилла, – сказал он.

– Это то есть обезьяны? – спросила Глафира Семеновна. – Не надо, не надо нам обезьян. Ну что на них смотреть! Эка невидаль! Вы ведите нас скорей к этому... Как вы его называли-то? Да... Амфибиен... Ведите туда, где этот Амфибиен играет. А здесь и публики-то нет.

– Мадам хочет амфибиен смотреть? – улыбнулся швейцар. – А вот многие дамы не любят на амфибиен смотреть. Вы храбрый дама... Вот начинается амфибиен, – указал он на бассейн. – Тут крокодилен...

Глафира Семеновна так и шарахнулась в сторону, увидав выставившуюся из воды голову крокодила.

– Тьфу, тьфу, тьфу! – заплевалась она. – И как вам не стыдно на такую гадость указывать! Мы вас просим, чтобы вы нас к Амфибиену вашему вели, а вы как назло...

– Да ведь это амфибиен и есть... – начал было швейцар.

– Дальше, дальше, Франц! Что это, в самом деле! Тебе русским языком говорят, что мы не желаем этой дряни смотреть! – крикнул Николай Иванович.

Швейцар недоумевал:

– Мадам просит амфибиен.

– Ну, так и води к нему! А ты каких-то ящериц да лягушек показываешь. Сделали еще поворот.

– Вот, – указал швейцар.

За стеклом из-под камня выставилась громадная змея, обвила сук дерева и, поднимая голову, открывала пасть. Увидав ее, Глафира Семеновна пронзительно взвизгнула и бросилась к мужу:

– Коля! Голубчик! Уведи меня скорей!.. Не могу, не могу... Ты знаешь, я змей до страсти боюсь... У меня руки, ноги трясутся. Мне дурно может сделаться.

Она вся нервно тряслась. На глазах ее показались слезы.

– Хер Франц! Да будет ли этому конец! Что это за безобразие! – закричал Николай Иванович на швейцара. – Тебе русским языком сказано, что не хотим мы смотреть этой дряни! Тысячу раз тебя просят, чтобы ты нас на музыку вел, а ты черт тебя знает, к чему нас подводишь!

– На какую музыку? – удивленно спросил швейцар. – Здесь никакой музыки нет.

– Как нет? Да ведь это аквариум?!

– Да, аквариум, но музыки нет.

– Как же может быть аквариум без музыки? Что ты нас морочишь-то! Везде аквариум с музыкой... Будто мы не понимаем! У нас в Петербурге тоже аквариум с музыкой.

– А у нас в Берлин без музик...

– Как же ты раньше говорил нам, что здесь музыка, что здесь даже ученые рыбы играют, что здесь какой-то ваш немец Амфибиен оркестром дирижирует.

– Никогда я этого, ваше превосходительство, не говорил.

– Глаша! И он еще мне смеет врать в глаза!

– Говорили вы, говорили. Мы даже сейчас вас спросили про Штрауса, а вы сказали, что Штраус дирижирует в Зоологическом саду, а здесь Амфибиен, – подхватила Глафира Семеновна.

– Мадам, вы меня не так поняли. Никогда я про музыку не говорил. Амфибиен – звери: крокодилен, змеи; штраус тоже звери – птица.

– Что вы мне про Штрауса-то зубы заговариваете? Штраус дирижер, капельмейстер-музыкант, композитор. Я сама его вальсы на фортепьянах играю.

– Ах да, да... Но тот Штраус не в Берлин, а в Вене. А я вам говорил про штраус-птица.

– Ну, переплет! Нет, Немецчина нам не ко двору! – прошептал Николай Иванович. – Даже и по-русски говорим, так друг друга понять не можем. Так нет в здешнем аквариуме музыки? – спросил он швейцара.

– Нет, нет. Здесь звери. Амфибиен тоже звери.

– Никакой музыки нет?

– Никакой.

– Так на кой же шут ты нас, спрашивается, привел сюда? На кой же шут я зря три немецких полтинника в кассе отдал, да еще за хранение платья заплатил! Веди назад!

Швейцар пожал плечами и поплелся к выходу. Сзади следовали Николай Иванович и Глафира Семеновна.

– Ведь ты знаешь, что я не могу смотреть на змей... Когда я увижу змею, у меня делается даже какое-то внутреннее нервное трясение и я становлюсь больна, совсем больна, – говорила она мужу.

Уже надоело!

– Куда ж теперь? – спрашивал Николай Иванович Глафиру Семеновну, выходя из аквариума на улицу.

Сопровождавший их швейцар хотел что-то сказать, но Глафира Семеновна раздраженно воскликнула:

– Никуда! Решительно никуда! С меня и этого удовольствия довольно. Прямо домой, прямо в гостиницу, и завтра с первым поездом в Париж. Не желаю больше по Берлину ходить. А то опять вместо музыки на какую-нибудь змею наскочишь. Достаточно. Будет с меня... Угостили в аквариуме... Ну что ж вы встали! Ведите нас обратно в гостиницу, – обратилась она к швейцару.

– Я хотел предложить для мадам...

– Ничего мне предлагать не нужно... Прямо в гостиницу.

– Глаша! Но зайдем хоть в какую-нибудь биргале пива выпить, – начал Николай Иванович.

– Пива в гостинице можете выпить. – И Глафира Семеновна пошла одна вперед.

– Не туда, мадам. Не в ту сторону... В гостиницу направо, – сказал швейцар.

Она обернулась и переменила направление. Николай Иванович и швейцар шли сзади.

– А какое веселое место-то я вам хотел указать, – шепнул швейцар Николаю Ивановичу. – Там поют и играют, там можно и поужинать.

– Глаша! Вот Франц хочет какое-то место показать, где поют и играют. Там бы и поужинали, и пива выпили.

– Опять с змеей? Нет уж, благодарю покорно.

– Никакой там змеи нет. Там поют и играют. Там шансонетен и оперштюке... Там танцы... Там хороший кухня и можно хороший ужин получить, – продолжал швейцар.

– Чтобы змеи наестся? Давеча живую преподнесли, а теперь хотите жареную... Спасибо!

– Уговорите ее, месье, вашу супругу... Место очень веселое... Красивые женщины есть, – шепнул швейцар.

– Нет, уж теперь закусил удила, так ее не только уговорить, а в ступе не утолочь, – отвечал Николай Иванович. – Веди домой и заказывай ужин для нас.

Через четверть часа они были дома. Глафира Семеновна с сердцем сбросила с себя ватерпруф, шляпку, села в угол и надулась. Николай Иванович взглянул на нее и покачал головой. Швейцар подал ему карту кушаний и отошел в сторонку. Николай Иванович повертел ее в руках и сказал:

– Я, брат, по-немецки ежели написано, то гляжу в книгу и вижу фигу, так уж лучше ты заказывай. Глаша! Ты чего бы хотела поесть? – обратился он к жене.

– Ничего. У меня голова болит.

– Нельзя же, милый друг, не евши. Завтра рано утром поедем в Париж, так уж не успеем до отправления поесть. В котором часу, Франц, идет поезд в Париж?

– В восемь часов утра. Вам придется на Кельн ехать, и там будет пересадка в другие вагоны. В Кельн приедете вечером и только в Кельне можете покушать, а до Кельна поезд нигде не останавливается больше двух-трех минут.

– Ну вот, видишь, Глаша, стало быть, тебе необходимо поклевать с вечера, – уговаривал Николай Иванович жену. – Скажи, чего ты хочешь, – вот Франц и за кажет.

– Спасибо. Не желаю змей есть по его заказу.

– Ах, мадам, мадам! И как это вы эту змею забыть не можете! – начал швейцар. – Разве я хотел сделать вам неприятное? Я не хотел. А что змея, так это аквариум. Аквариум не может быть без крокодил и змея, рыбы и амфибиен...

– Врете вы, может. У нас в Петербурге есть Аквариум без крокодила и без змеи. Даже и рыбы-то нет. Плавает какой-то карась с обгрызленным хвостом да две корюшки – вот и все.

– Ну, это не настоящий аквариум.

– Врете. Самый настоящий. Ваш же немец там оркестром дирижирует.

– Поешь что-нибудь. Полно капризничать-то, – сказал Николай Иванович.

– Да ведь гадостью какой-нибудь немецкой накормят. Вот ежели бы щи были.

– Есть щи, Франц?

– Нет, щей здесь не бывает. Щи – это только в России.

– Ну, тогда нельзя ли дутый пирог с рисом и с яйцами и с подливкой? Здесь я, по крайней мере, буду видеть, что я ем.

– Пирог, мадам, русский кушанье. Здесь, в Берлин, это нельзя.

– Все нельзя, ничего нельзя. Ну так что же у вас можно?

– Хочешь, Глаша, сосиски с кислой капустой? Сосисок и я поел бы... А уж в Берлине сосиски, должно быть, хорошие – немецкая еда.

– А почему ты знаешь, чем они здесь начинены? Может быть, собачиной.

– Я, мадам, могу вам сделать предложение майонез из рыба.

– Нет, нет, нет. Ничего рубленого. Вместо рыбы змею подсунете.

– Опять змею? Нет, мадам, здесь змея не едят.

– Ну, так угря подсунете. Та же змея.

– Она и стерлядь не ест. Говорит, что змея, – сказал Николай Иванович и спросил швейцара: – Ну, можно хоть селянку-то на сковороде сделать?

– И селянки я есть не стану, – откликнулась жена. – Что они тут в селянку наворотят?

Почем я знаю! Может быть, мышь какую-нибудь. В крошеном-то незаметно.

– Ну, поросенка заливного под сметанным хреном. Можно, Франц?

– Селянка и поросенок, месье, опять русский кушанье, – дал ответ швейцар.

– Тьфу ты, пропасть! Опять нельзя! Даже поросенка нельзя! Ведь поросенок-то свинина, а вы здесь, немцы, на свинине и свиных колбасах и сосисках даже помешались. Прозвище вам даже дано – немецкая колбаса.

– Верно. Я знаю. Я жил в России. Но поросенка здесь не кушают. То есть кушают, но очень мало.

– Отчего?

– Экономия. Поросенок может вырасти в большая свинья. Свинья большая кушают.

– Глаша! Слышишь? Опять экономия! – воскликнул Николай Иванович. – Ну, немцы! Слышишь, Франц, зачем вы умираете-то? Вам и умирать не надо из экономии. Ведь хорошо-то денег стоит.

Швейцар улыбнулся.

– Можно, по крайней мере, у вас хоть ветчины с горошком достать? – спросила, наконец, Глафира Семеновна швейцара.

– Это можно, мадам. Ветчина с горохом и с картофелем и с русский зауэрколь, с кислая капуста.

– Ну, так вот ветчины. Ветчины и бульон. Бульон можно?

– Можно, мадам.

– Да вали еще две порции телячьих котлет да бифштекс, – прибавил Николай Иванович. – Надеюсь, что это можно?

– Можно, можно, но только бараний котлет, а не телячий. Телячий нет в карта.

– Тоже экономия? – спросил Николай Иванович.

– Экономия, – улыбнулся швейцар.

– Ах, черти, черти жадные! Ну, вали бараньи котлеты. Цыпленком нельзя ли, кроме того, позабавиться?

– Можно, месье.

– Так пару цыплят. Да пива, пива побольше. Нельзя ли в какой-нибудь большой кувшин его налить?

– Можно, можно, – кивал швейцар и спросил: – Все?

– Чего же еще больше? И этого довольно. Или нет. Закажи, брат, мне порцию сосисок немецких. Хотя они, может быть, у вас и собачиной копченой набиты, а все-таки хочется попробовать... Жена есть не будет, а я съем. Нельзя быть в Неметчине и немецких сосисок не попробовать! Вот жаль, что у вас тут простой русской водки нет.

– Кюммель есть, – отвечал швейцар.

– Сладость немецкая. Какая это водка! Ну да уж вели подать, делать нечего.

Ужин был заказан. Через час его подали в номер. Николай Иванович был голоден и принялся его есть так, что у него только за ушами трещало, а потом навалился на пиво. Ела с большим аппетитом и Глафира Семеновна.

Часа через два Николай Иванович, изрядно пьяный, лежал на постели и бормотал:

– Слава богу, завтра в Париж. Ужась как надоела Неметчина.

7:53 на Кельн

Утром Николая Ивановича и Глафиру Семеновну разбудили рано, еще только свет брезжился. Тотчас же появился кофе, тотчас же швейцар Франц принес счет за пребывание в гостинице и сказал Николаю Ивановичу:

– Ежели, ваше превосходительство, хотите к первому поезду попасть, то торопитесь: без семи минут в восемь отходит.

– Скорей, Глафира, скорей!.. – засуетился Николай Иванович и принялся расплачиваться. – Ой, ой, какой счет-то наворотили! – воскликнул он, увидав в итоге счета цифру «тридцать восемь».

– Да ведь это, господин, тридцать восемь марок, а не рублей, – заметил швейцар.

– Еще бы за одну-то ночь тридцать восемь рублей! Пьянством и буянством не занимались, вина не пили, сидели только на пиве, да вашей немецкой стряпни поели. Бифштекс-то, брат, был, наверное, из лошадки. Им можно было гвозди в стену вколачивать.

– Что вы, господин... У нас кухня хорошая, провизия первый сорт.

– Какой бы сорт ни был, а тридцать три полтинника за еду и за пиво – ужас как дорого. Ведь комната-то всего пять полтин стоит.

– Нет, месье, за кушанье меньше. Тут в тридцати восьми марках пять марок за комнату, две марки за сервиз...

– Как, и за сервиз у вас берут?

– Везде берут.

– Глаша! Смотри-ка, за сервиз, на котором мы ели, взяли. Ну, немцы!

– Это значит за прислугу, – пояснил швейцар и продолжал: – Четыре марки за меня, что я вчера вечером вашим проводником был, – это значит одиннадцать марок, марку за свечи, марку за лишнюю кровать для вашей супруги...

– Как за лишнюю? Да разве моя супруга лишняя? Глаша! Слышишь? Тебя за лишнюю считают! – воскликнул Николай Иванович.

– Позвольте, господин, позвольте. Комната считается всегда с одной кроватью, а ежели вторая кровать, то и лишняя марка. Итак, вот вам тринадцать марок! Да за омнибус со станции и на станцию четыре марки – семнадцать, стало быть, за суп всего двадцать одну марку, – сосчитал швейцар.

– Фю-ф-фю! – просвистел Николай Иванович. – Тридцать восемь полтин за одну ночь. Ловко, Глаша! Ведь этак тысячи-то рублей далеко не хватит, на которую мы хотели в Париж на выставку съездить и обратно домой приехать.

– Да уж рассчитывайся, рассчитывайся! Чего тут торговаться-то! Все равно не уступят. Сам меня торопил, а теперь бобы разводишь, – сказала Глафира Семеновна.

– Дай поругаться-то за свои деньги. Ах вы, грабители, грабители! А еще говорят, что немецкая жизнь дешевая. Нет, верно, вы об вашей экономии-то только для себя толкуете. Разбойники вы, Франц. Ну, на, получай тридцать восемь полтин и вези на железную дорогу.

Николай Иванович звякнул по столу золотыми монетами.

– Шесть марок вы еще мне на чай обещали, ваше превосходительство, так прикажете тоже получить? – заметил швейцар.

– За что? Ведь сам же ты говоришь, что за тебя четыре марки в счет поставлено.

– Четыре марки наш отель поставил, а вы мне обещали, чтоб я вас в поезд посадил, чтоб вам не перепутаться. Сначала вы три обещали, а потом опять три.

Николай Иванович вздохнул.

– Ну получай, – сказал он. – А только, бога ради, посади нас в такой поезд, чтоб уж нам не путаться и прямо в Париж ехать без пересадки.

– Такого поезда нет, месье. В Кельне вам все-таки придется пересаживаться во французские вагоны. В Кельн вы приедете вечером, два часа будете сидеть на станции.

– Ну, значит, пиши пропало. Опять перепутаемся! – иронически поклонился Николай Иванович. – Глаша! Слышишь? В каком-то Кельне придется еще пересаживаться.

– Во французские вагоны, так ничего. По-французски я могу разговаривать, французских слов я больше знаю, чем немецких. Да кроме того, у меня в саквояже французский словарь есть, – сказала Глафира Семеновна.

В половине восьмого часа утра супруги поднимались по лестнице в железнодорожный вокзал на Фридрих-штрассе. Швейцар сопровождал их.

– Да тут ли, Франц, туда ли ты нас ведешь? – сомневался Николай Иванович. – Это, кажется, та же самая дорога, по которой мы сюда приехали. Смотри, как бы не перепутаться. Ведь нам нужно в Париж, в Париж.

– Та же самая дорога, но вы не беспокойтесь, – отвечал швейцар. – Здесь, в Берлине, куда бы вы ни ехали, – все по одной дороге и все с одного вокзал.

Николай Иванович толкнул жену в бок и прошептал:

– Глаша! Слышишь, что он говорит? Кажется, он врет.

– С какой стати врать-то?

– Просто на смех путает. Ну, смотри: тот же самый вокзал, та же самая меняльная будка, те же железнодорожные рожи, что и вчера. Я просто боюсь ехать. Вдруг как опять в Кенигсберг покатишь! Хер Франц! Ты не шути. Меня не проведешь. Это тот самый вокзал, к которому мы вчера из Кенигсберга приехали! – возвысил голос Николай Иванович.

– Да, да, господин, но в Берлине можно с одного и того же вокзала в какой угодно город ехать. Здесь дороги кругом, вокруг весь Берлин... Сюда все поезда приходят, и все поезда отходят. В семь часов пятьдесят три минуты вы сядете в поезд на Кельн.

– Да верно ли? – опять спросил Николай Иванович.

– Ах, боже мой! Да зачем же мне врать? – пожал плечами швейцар.

– Что-то уж очень странное ты говоришь. Побожись, что не врешь.

– Ах, какой вы, господин! Да верьте же мне, ведь каждый день гостей из гостиницы отправляю.

– Нет, ты все-таки побожись.

– Ну вот, ей-богу... А только напрасно вы беспокоитесь! У вас французские деньги есть ли на расход? Ночью вы переедете немецкую границу, и вам сейчас же французские деньги понадобятся. Вот здесь у еврея вы можете разменять на франки, – указал швейцар на меняльную лавку.

– Нужно, нужно. Русскую сторублевую бумажку здесь разменяют?

– Конечно, разменяют. Давайте. А то в Кельне, так как вы не понимаете по-немецки, вас надуть могут. А уж меня не надуют. Я сейчас для вас и счет с фирмы спрошу.

Николай Иванович дал деньги. Швейцар подошел к меняльной будке и вернулся с французскими золотыми и серебряными монетами и со счетом. Николай Иванович взглянул в счет и проговорил:

– По тридцати девяти копеек французские-то четвертаки купили! Ловко! Вот грабеж-то! Вычистят нам полушубок за границей, ой, ой как вычистят, – покрутил головой Николай Иванович и прибавил: – Ну, да уж только бы благополучно до Парижа-то доехать, нигде не путаясь.

Успокоился, впрочем, он только тогда, когда ему подали квитанцию на сданный багаж и в этой квитанции он прочел слово Paris. Квитанцию эту он тотчас же показал жене и сказал:

– Ну, слава богу, багаж до Парижа взяли, стало быть, и нам по этой же дороге до Парижа доехать можно. Фу, как гора с плеч! – вздыхал он, наталкиваясь на снующих по платформе пассажиров, ожидающих своих поездов.

А поезда так и подбегали к платформе и справа, и слева, останавливались на минуту, выпускали одних пассажиров, принимали других – и мчались далее. Поезда подкатывали к платформе один за другим.

– Да куда это столько поездов-то у вас мчится? – спросил Николай Иванович швейцара.

– Во все немецкие города и за границу. До четырехсот поездов каждый день проходят мимо этого вокзала.

– До четырехсот? Ну, это ты врешь, Франц!

– Прочтите где-нибудь описание.

– Глаша! Слышишь? Четыреста поездов... Да ведь это ад какой-то. Как же тут начальник станции? Ведь ему тогда околеть надо.

– Здесь много начальников станций и дежурят по часам.

– Ну, немцы! Мы удивимся, что они обезьяну выдумали... Да такая железная дорога, по которой четыреста поездов в день проходят, хитрее выдумки обезьяны! – воскликнул Николай Иванович. – Скоро ли, однако, наш-то поезд придет?

– Ровно в семь часов и пятьдесят три минуты. Вот, глядите на часы. Три минуты осталось. Подлетел поезд.

– Этот? – быстро спросил швейцара Николай Иванович.

– Нет, нет. Это в другое место. Видите, всего еще только пятьдесят одна минута. Ваш поезд теперь через две минуты.

Свисток, и подлетевший поезд умчался, но вслед за ним загромыхал колесами еще поезд.

– Вот ваш поезд, – заговорил швейцар. – Садитесь скорей. Не зевайте. Счастливого пути.

Через минуту супруги уже мчались в поезде.

Заграничная собачья жизнь

– Нет, совсем не с руки нам, русским, эта самая немецкая жизнь! – говорил Николай Иванович жене, сидя в мчавшемся вагоне. – Тут год живи, да и то не привыкнешь к их порядкам. Заметила ты, как поезд-то отправился? Ведь ни одного звонка не было. Только-то успели влезть в вагон, кондуктор свистнул – и покатили на всех рысях. Право, не будь при нас этого самого Франца, мы бы опять перепутались и попали не в тот поезд. За две-то минуты до нашего поезда подлетел поезд, так я и то хотел в него вкарабкаться, ежели бы меня Франц за рукав не удержал. А поезд-то тот шел в Вену. Ну кому в голову придет, что по одним и тем же рельсам в семь часов и пятьдесят одну минуту можно ехать в Вену, а через две минуты в другом поезде в Кельн! А уж спешка-то какая! Вот кому ежели с родственниками проститься перед отходом поезда, да ежели провожают тебя пять-шесть родственников... Тут и одного чмокнуть не успеешь.

– Ну, это-то пустяки, – отвечала Глафира Семеновна. – Начмокайся заранее, да и дождись поезда.

– Не тот фасон, Глаша, совсем не тот фасон. С провожающим родственником приятно войти в вагон: вот, мол, где я сяду, потом честь честью расцеловаться, сбегать в буфет, опрокинуть на скорую руку по рюмочке, опять вернуться, опять расцеловаться. Отчего же это все у нас делается, а у них спешат, словно все пассажиры воры или разбойники и спасаются от погони. И куда, спрашивается, спешить? Ведь уж рано ли, поздно ли будем на том месте, куда едем. Знаешь что? Я думаю, что это немцы из экономии, чтобы лишнего куска не съесть и лишней кружки пива в дороге не выпить...

– Да конечно же, – согласилась супруга.

– А уж пиво у них соблазнительное. Только и хорошего есть во всей Неметчине, что пиво. Пиво – что твой бархат.

Николай Иванович бормотал, порицая немецкие порядки, а Глафира Семеновна, вынув из саквояжа русско-французский словарь, отыскивала разные французские слова, которые, по ее соображению, должны будут понадобиться при въезде на французскую территорию.

До Кельна доехали без особенных приключений, прибыв на кельнскую станцию часов в девять вечера. Из Кельна в Париж поезд должен идти в полночь. Оставалось много свободного времени, и вот Николай Иванович и Глафира Семеновна направились в буфет. Столовая комната была переполнена проезжающими. Кто ждал поезда в Париж, кто в Берлин, кто в Майнц, кто в Мюнхен. Немецкая речь чередовалась с французской, цедил сквозь зубы англичанин по-английски, и вдруг послышалась русская речь. Николай Иванович вздрогнул и обернулся. Обернулась и Глафира Семеновна. За столом перед бутылкой рейнвейна сидел, откинувшись на спинку стула, жирный широколицый человек с жиденькой бородкой и гладил себя пухлой рукой с бриллиантовым перстнем на указательном пальце по жирному чреву, на котором колыхалась массивная золотая часовая цепь с целой кучей учредительских жетонов. Одет жирный человек был в серую пиджачную пару купеческого покроя и имел на голове шляпу котелком. Против жирного человека через стол помещался седой рослый усач в пенсне, с сигарой в зубах, в сильно потертom пальто-крылатке и в мягкой поярковой шляпе с широкими полями. Жирный человек и усач разговаривали по-русски.

– Русские... – прошептал жене на ухо Николай Иванович. – Сядем за их стол. Можно познакомиться и кой о чем порасспросить.

Супруги тотчас уселись за стол.

– Кельнер! Цвай бифштекс и цвай бир! – скомандовал Николай Иванович прислуге и, обратясь к жирному человеку, спросил, приподнимая шляпу: – Кажется, тоже русские? Изво-лите в Париж на выставку ехать?

– Нет, уж с выставки, чтоб ей ни дна ни покрышки! – отвечал жирный человек, не перемня своего положения. – Теперь обратно в свои московские палестины спешим.

– Вот удивительно, что вы так честите выставку! Все, которые оттуда возвратились, нам очень и очень хвалили ее. Говорят, уму помраченье.

– Грабеж-с... Грабеж на большой дороге за все, а жизнь – собачья. Конечно, везде цивилизация, но по цивилизации и грабят. Четвертаков-то этих самых сорокакопеечных мы вытаскивали, вытаскивали из-за голенища, да инда надсадились.

– Неужели такая дороговизна? – удивился Николай Иванович.

– Ну, не так чтоб уж очень, – вставил свое слово усач, вынимая изо рта сигару. – Понятное дело, в Париже во время выставки все дороже, но...

– Ты, граф, молчи. Ты тратил не свои деньги, а чужие, так тебе и горя мало, – перебил его жирный человек, – а я и за тебя, и за себя свой истинник вытаскивал. Да, вот как... У нас в Москве, к примеру, ихний же французский «Сан-Жульен» хоть в каком грабительском ресторане полтора целковых за бутылку, а с меня в Париже за бутылку этого самого вина шестнадцать четвертаков взяли. По сорока копеек четвертак – шесть рублей сорок. Пять бутылочек мы вот по глупости нашей с графом-переводчиком с жару охолостили – тридцать два рубля заплатили.

– Да ведь не тот «Сан-Жульен», Петр Никитич.

– Что ты мне толкуешь. «Сан-Жульен», все «Сан-Жуль ен». Грабители! Разбойники! Потом тоже делали нам по особому заказу простую русскую уху в ресторане... Переводчик! Как ресторан-то?

– «Бребан»... – ответил усач.

– Ну, вот этот «Барабан» так нас отбарабанил по карману, что до новых веников не забудешь. Стыдно и сказать-то, сколько за уху отдали.

– Да ведь ты же, Петр Никитич, непременно живую стерлядь захотел, а у них стерляди дунайские, из Австрии, привозные...

– Ну, так что ж из этого? Стерлядка была меньше комариного носа.

– Потом рейнская лососина.

– Молчи! Не выгораживай грабителей... Грабители и грабители! И не понимаю я, чего мы, русские, туда едем? – продолжал жирный человек. – Да у меня в Москве полная чаша, в четырнадцати комнатах с бабой и с детьми живу, шесть человек прислуги, глазом моргни, так со всех ног бросаются на услугу; у подъезда рысак в пролетке на резинах, а кучер на козлах, что твой протодьякон. А я потащился в Париж, чтоб за двадцать франков в день в двух паршивых каморках существовать, по шестьдесят три ступени под небеса отмеривать, на дурацких извозчиках трястись. Да у меня в Москве каждый приказчик вдвое лучше живет, чем я в Париже жил. Утром проснешься, звонишь, звонишь, чтоб к тебе прислужающий явился, – когда-то еще он явится! Самоваров нет, квасу нет, бани нет, о ботвинье и не слыхали. Собачья жизнь, да и что ты хочешь! Напился ихнего паршивого кофею поутру – беги на выставку. Бродишь, бродишь, ломаешь, ломаешь ноги – обедать в трактир, а не домой. Сидишь в ихнем трактире и думаешь: «Батюшки! Не накормили бы лягушкой...» Поешь – сон тебя так и клонит. Тут бы прилечь да всхрапнуть, как православному человеку подобает, а ты опять бежишь, бежишь неизвестно куда, в какие-то театры...

– Зачем же ты бежал в театры? Ехал бы домой спать.

– Да ведь ты тащил, говорил, что вот такая и такая диковинка, нельзя быть в Париже и не видеть ее...

– А ты мог не соглашаться и ехать домой.

– Да ведь с выставки-то пока до дому доедешь, да шестьдесят три ступени в свою комнату отмеряешь, так, смотришь, и разгулялся, сна у тебя как будто и не бывало. Да и в театре...

Сидишь и смотришь, а что смотришь – разбери! Только разве какая-нибудь актриса ногу поднимет, так поймешь, в чем дело.

– Врешь, врешь, – остановил жирного человека усач. – В театрах я тебе обстоятельно переводил, что говорилось на сцене.

– Собачья жизнь, собачья! – повторил жирный человек и, кивнув на пустую бутылку рейнвейна, сказал усачу: – Видишь, усохла. Вели, чтоб новую изобразили. А то терпеть не могу перед пустопорожней посудой сидеть.

Русские люди

Николай Иванович подсел ближе к жирному человеку и его спутнику, усачу, и, сказав: «Очень приятно за границей с русскими людьми встретиться», отрекомендовался и отрекомендовал жену.

– Коммерции советник и кавалер Бездоннов, – произнес в свою очередь жирный человек и, указывая на усача, прибавил: – А это вот господин переводчик и наш собственный адъютант.

– Граф Дмитрий Калинин, – назвался усач и, кивнув в свою очередь на жирного человека, сказал: – Взялся вот эту глыбу свозить в Париж на выставку и отцивилизовать, но цивилизации он у меня не поддался.

– Это что устриц-то жареных не ел? Так ты бы еще захотел, чтоб я лягушек маринованных глотал! – отвечал жирный человек.

– Выставку ругаешь!

– Не ругаю, а говорю, что не стоило из-за этого семи верст киселя есть ехать. Только-то и любопытно, что в поднебесье на Эйфелевой башне мы выпили и закусили, а остальное все видели и в Москве, на нашей Всероссийской выставке. Одно, что не в таком большом размере, так размер-то меня и раздражал. Ходишь, ходишь по какому-нибудь отделу, смотришь, смотришь на все одно и то же, даже плюнешь. Провалитесь вы совсем с вашими кожами или бархатами! Ведь все одно и то же, что у Ивана, что у Степана, что у Сидора, так зачем же целый огород витрин-то выставлять!

– Вот какой странный человек, – кивнул на жирного человека усач. – И все так. В Париже хлеб отличный, а он вдруг о московских калачах стосковался.

– Не странный, а самобытный. Я, брат, славянофил.

– Скажите, пожалуйста, земляк, где бы нам в Париже остановиться? – спросил жирного человека Николай Иванович. – Хотелось бы, чтоб у станции сесть на извозчика и сказать: пошел туда-то. Вы где останавливались?

– Не знаю, милостивый государь, не знаю. Никаких я улиц там не знаю. Это все он, адъютант мой.

– Останавливайтесь там, где впустят, – проговорил усач. – Как гостиница с свободными номерами попадется, так и останавливайтесь. Мы десять улиц околесили, пока нашли себе помещение. Занято, занято и занято.

– Глаша, слышишь? Вот происшествие-то! – отнесся Николай Иванович к жене. – По всему городу придется комнату искать. Беда!.. – покрутил он головой. – Особливо для того беда, у кого французский диалект такой, как у нас: на двоих три французских слова: бонжур, мерси да буар.

– Врешь, врешь! По-французски я слов больше знаю и даже говорить могу, – откликнулась Глафира Семеновна.

– Добре, кабы так. А вот помяни мое слово – приедем в Париж, и прильнет язык к гор-тани. А позвольте вас спросить: отсюда до Парижа без пересадки нас повезут? – обратился Николай Иванович к жирному человеку. – Очень уж я боюсь пересадки из вагона в вагон. Два раза мы таким манером перепутались и не туда попали.

– Ничего не знаю-с, решительно ничего. Вы графа спросите: он меня вез.

– Без пересадки, без пересадки. Ложитесь в спальном вагоне спать и спите до Парижа. В спальном вагоне вас и на французской границе таможенные чиновники не потревожат.

– Вот это отлично, вот это хорошо! Глаша, надо взять места в спальнях вагонах.

– Позвольте-с, вы не телеграфировали?

– То есть как это?

– Не послали с дороги телеграмму, что вы желаете иметь места в спальном вагоне? Не послали, так мест не достанете.

– Глаша! Слышишь? Даже и спальные вагоны здесь по телеграмме! Ну, Неметчина! В Кенигсберге обедать не дали – подавай телеграмму, а здесь в спальный вагон без телеграммы не пустят.

– Такой уж порядок. Места в спальнях вагонах готовят заранее по телеграммам...

– Позвольте... но в обыкновенных-то вагонах без телеграммы все-таки дозволит спать? – осведомился Николай Иванович.

– Конечно.

– Ну, слава богу. А я уж думал...

Звонок. Вошел железнодорожный сторож и прокричал что-то по-немецки, упоминая «Берлин». Усач засуетился.

– Допивай, Петр Никитич, рейнвейн-то. Надо в поезд садиться, – сказал он жирному человеку.

Тот залпом выпил стакан, отдулся и, поднимаясь, произнес:

– Только уж ты как хочешь, а в Берлине я ни на час не остановлюсь. В другой поезд – и в Белокаменную.

– Врешь, врешь. Нельзя. Надо же мне тебя берлинским немцам показать. И наконец, какое ты будешь иметь понятие о Европе, ежели ты Бисмарка не видал и берлинского пива не пил!

– На станции выпьем.

– Не то, не то. В Берлине мы на два дня остановимся, в лучших биргале побываем, в Зоологический сад я тебя свожу и берлинцам покажу. Берлинцы такого зверя, как ты, наверное, не видали.

– Не останусь, я тебе говорю, в Берлине.

– Останешься, ежели я останусь. Ну, куда ж ты один поедешь? Ведь ты пропадешь без меня.

– Ну, полно, не упрямься. Взялся за гуж, так не говори, что не дюж. Назвался груздем, так полезай в кузов. Выехал за границу, так как же в Берлине-то не побывать. Идем! Мое почтение, господа, – раскланялся усач с Николаем Ивановичем и Глафирой Семеновной, кликнул носильщика, велел ему тащить ручной багаж, лежавший у стола, и направился на платформу.

Кряхтя и охая, поплелся за ним и жирный человек, также поклонившись Николаю Ивановичу и Глафире Семеновне, и сказал на прощание:

– А насчет грабежа и собачьей жизни – помяните мое слово, как в Париж приедете. Прощенья просим.

Вслед за отходом берлинского поезда возвестили об отправлении парижского поезда. Николай Иванович и Глафира Семеновна засуетились.

– Во? Во? Во цуг им Париж? – бросилась Глафира Семеновна к железнодорожному сторожу и сунула ему в руку два немецких гривенника.

– Kommen Sie mit, Madame... Ich werde zeigen, – сказал тот и повел супругов к поезду.

Через полчаса Николай Иванович и Глафира Семеновна мчались в Париж.

Уныние и страх

Глухая ночь. Спокойное состояние духа вследствие полной уверенности, что он и жена едут прямо в Париж без пересадки, а также и плотный ужин с возлиянием пива и рейнвейна, которым Николай Иванович воспользовался в Кельне, дали ему возможность уснуть в вагоне самым богатырским сном. Вспрапывания его были до того сильны, что даже заглушали стук колес поезда и наводили на неспящую Глафиру Семеновну полнейшее уныние. Ей не спалось. Она была в тревоге. Поместившись с мужем вдвоем в отдельном купе вагона, она вдруг вспомнила, что читала в каком-то романе, как пассажиры, поместившиеся в отдельном купе, были ограблены во время пути злоумышленниками, изранены и выброшены на полотно дороги. В романе, правда, говорилось про двух женщин, ехавших в купе, – думалось ей, – а она находится в сообществе мужа, стало быть, мужчины, но что же значит этот мужчина, ежели он спит как убитый? Какая от него может быть защита? Разбойники ворвутся в купе, один набросится на спящего мужа, другой схватит ее за горло, – и вот они погибли. Кричать? Но кто услышит? Купе глухое, не имеющее сообщения с другим купе; вход в него с подножки, находящейся снаружи вагона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.